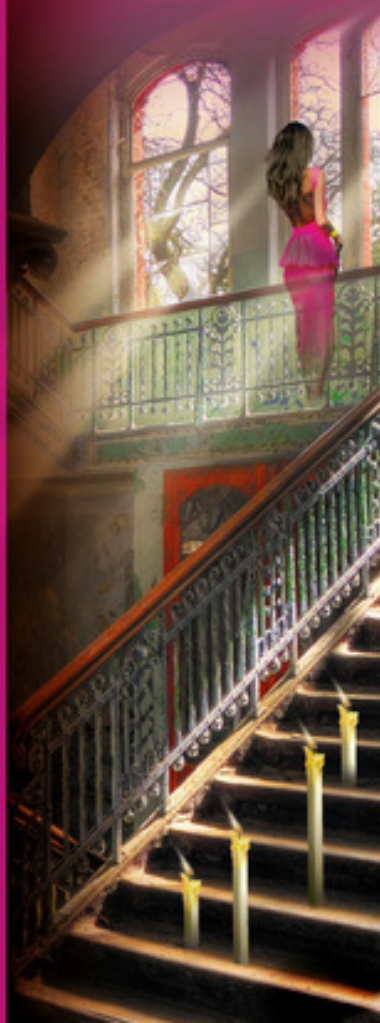

Автор, книги которого проникают в самое сердце!

ТАТЬЯНА КОГАН

чужие игры
2 | МОСКВА • ЭКСМО • 2014
новая серия!

Только
для посвященных

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган

Только для посвященных

«ЭКСМО»

2014

Коган Т. В.

Только для посвященных / Т. В. Коган — «Эксмо»,
2014 — (Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган)

Начиналось все как шутка, игра для четверых посвященных. Лиза предложила идею, все вместе ее доработали. Суть была такова: один из друзей озвучивает задачу, с которой не в состоянии справиться в одиночку. Товарищи должны помочь. Как только первый получает желаемое, наступает очередь следующего... С каждым новым кругом проблемы становились все серьезнее, а способы их решения – циничнее и страшнее. Когда нетрезвый Иван сбил человека, друзья дали ложные показания, и виновным в ДТП признали оставшегося инвалидом пешехода... Глебу становилось все труднее поддерживать эту дружбу, но он не мог выйти из игры – его брату понадобилась пересадка почки, и Макс пожертвовал своей. А потом Лиза попросила избавить ее от надоевшего мужа...

© Коган Т. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Сейчас	6
Тогда	9
Сейчас	31
Тогда	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Коган

Только для посвященных

© Коган Т. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Сейчас

Дом был пустой: ни мебели, ни вещей. Даже пыли не заметно – как будто прежний хозяин, если таковой имелся, скрупулезно уничтожил все следы своего пребывания. Джек обошел помещение уже сотню раз, обследовал каждый угол, но не нашел ничего, что дало бы подсказку. Ситуация казалась странной, но он не решался окончательно признаться в этом. В конце концов, стоит ли полагаться на доводы разума, в котором случился очевидный сбой? Любой адекватный человек, просыпаясь утром, примерно или наверняка знает, кто он и где находится. Джек не знал. Он словно материализовался из ниоткуда по неизвестной причине в неизвестном месте. Родился взрослым и начал жить, минуя детство, отрочество и юность. Но как жить, не имея понятия, кем ты являешься?

Это было тяжелое пробуждение. Голова гудела, а веки никак не желали разлепиться. Пожалуй, он бы не стал бороться и продолжил спать, будь постель не такой убийственно жесткой. Создавалось впечатление, что он заснул прямо на полу. Усилием воли открыл глаза и сфокусировал взгляд. Так и есть. Он лежал на голом полу в окружении белых стен. Потолок тоскливо покачнулся и замер, – он приподнялся и сел, едва не потеряв равновесие. Было прохладно. Он поежился, потер плечи. Сознание прояснялось медленно и урывками, – так выплывают из тумана призрачные очертания незнакомой местности. Джек терпеливо ждал, понимая, что ничего другого ему не остается. Проходила минута за минутой, но ответа не возникало. Зато вопросы множились с каждым мгновением.

Перевел взгляд со стены на окно. Большое, незанавешенное. На улице шел снег. Он долго следил за плавным падением снежинок. Нужно что-то предпринять. Хотя бы встать для начала. Но в глубине души он как будто уже знал, что это ни к чему не приведет. Страшная догадка шумела внутри ненастроенным приемником, но у него не хватало смелости настроить его на нужную волну. Ведь тогда правда станет очевидным фактом. Слишком чудовищным, чтобы стремиться услышать его.

Джек просидел несколько часов, прежде чем решился подняться и осмотреть дом. Это был добротный двухэтажный коттедж, судя по всему, строившийся для себя. Планировка и отделочные материалы были безукоризненны. Джек бродил по пустым комнатам, как унылое привидение, иногда останавливаясь возле окон, чтобы разглядеть панораму за ними. Впрочем, из-за белой пелены снега ничего не было видно. Сделал еще несколько кругов по дому, затем вернулся в просторную гостиную на первом этаже. Неподалеку от того места, где он очнулся, в дальнем углу валялся белый конверт. Назойливо выделялся на темном паркетном полу, – удивительно, как Джек не заметил его раньше. Хотелось подбежать, но движения были плавны и заторможены, как бывает в кошмарном сне, когда прилагаешь все силы, но едва трогаешься с места. Приблизился к конверту целую вечность или дольше. Когда же заветный пакет оказался в руках, не сразу смог разорвать бумагу. Пальцы не гнулись и отказывались слушаться. Понадобилась немалая концентрация усилий, чтобы вскрыть конверт. Все, что там было – свернутый лист, паспорт и банковская карта.

Джек сполз по стене на пол. Разложил трофеи перед собой и долго смотрел на них, не рискуя прикоснуться. Не пропитаны же документы ядом, в самом деле. Он потянулся к паспорту.

С фотографии на него смотрел молодой темноволосый мужчина с мрачной ухмылкой на тонких губах. Информация о личности – фамилия, год и место рождения – ничего ему не говорили. Он задумчиво повертел паспорт и отложил в сторону. Банковская карта принадлежала тому же человеку.

Он прислонился затылком к стене и закрыл глаза. Навалилась усталость, словно сутки разгружал вагоны. Кто знает, может, он и вправду вагоны разгружал. И так перетруился, что

все позабыл, к чертовой матери. То, что Джек осознал в первые минуты пробуждения, сейчас обрело законченную форму. Теперь он мог выразить терзавшее его подозрение: он потерял память. А может, и не терял. Может, ее вообще никогда не было, и он, подобно растению, всегда существовал сегодняшним днем. Так или иначе, Джек не помнил ни единого события из своего прошлого. Не имел представления, кто он и как оказался в этом доме. И это было хреново, очень хреново. Он даже имени своего не помнил. Быть никем не очень-то приятно, и он мысленно назвал себя первым именем, пришедшим на ум, – Джек.

Разве может мозг стать полностью стерильным, неужели все ячейки памяти были уничтожены? Говорят, даже одежда способна хранить информацию о ее владельце. А человек всяко более сложный организм, чем какая-то тряпка. Значит, определенные знания должны сохраниться даже при жесточайшей амнезии. Он сосредоточился, пытаясь оценить те пласты информации, которые остались в его распоряжении. Перед глазами мелькали кадры из кинофильмов, абзацы из учебников, обрывки мелодий, фрагменты диалогов, моторика движений – целые залежи знаний, которые он когда-то успел накопить. «По крайней мере, не придется снова идти в начальную школу», – усмехнулся Джек. Положение было не из приятных, но он не ощущал отчаяния. Возможно, эта крепость духа была следствием шока. Рассудок только начинал справляться с неожиданной проблемой и на всякий случай заблокировал способность чувствовать, чтобы подопечный не спятил. Если так, он не против. Депрессия ему сейчас ни к чему.

У него есть родные и друзья, – должны быть. Они непременно найдут его, отведут к лучшим докторам, и однажды память вернется. Он снова станет стариной Джеком (или как там его зовут), которого они знали долгие годы. Кстати, о годах. Интересно, сколько ему лет? Жаль, в доме нет зеркала.

Уже вечерело. Снегопад прекратился, одинокий квадрат окна угрожающе темнел наступающими сумерками. Джек поднялся, чтобы рассмотреть уличный пейзаж. В стекле отразилась чья-то фигура. Замерла в нерешительности и стала приближаться.

Он не узнавал этого человека. Понимал, что видит собственное отражение, но не мог отождествить себя с ним. Незнакомец копировал его жесты, двигался в унисон. Но был абсолютно чужим. «Неужели я мог позабыть свое лицо?» – это открытие неприятно удивило его. Он посмотрел на ладони, задрал рубашку и внимательно изучил плоский живот. Странно. Тело казалось ему родным и знакомым. Вот и родинка возле пупка, он ее отлично помнит. Развитые мышцы пресса, все верно. Но лицо? Бред какой-то. Будто к старому туловищу приделали новую голову. Горько усмехнулся и застыл, глядя на отражение в стекле. Затем кинулся к паспорту и потрясенно уставился на фотографию. Лицо на документе и то, что он видел в окне, были идентичны.

Он снова и снова перечитывал скупые официальные сведения. Так вот как его зовут на самом деле. Смирнов Кирилл Андреевич, уроженец такого-то города, тридцати трех лет от роду. Не женат, детей нет... Хотя ты тресни, не ощущал он себя Смирновым Кириллом. Совсем не ощущал.

Ходил из угла в угол, не отдавая себе отчет в том, что делает. Окажись поблизости невольный зритель, подивился бы загадочному поведению человека, бесцельно слонявшегося по комнате и невнятно бормотавшего что-то под нос.

Темнота за окном приобрела мерцающий синий оттенок. Высыпали звезды, под их блеклым светом мягко поблескивали сугробы. Джеку остро захотелось на свежий воздух. Поднял с пола куртку, в которой спал. Замешкался, отпирая замок двери, и вышел из дома.

Было морозно и необычайно тихо. Даже снег не скрипел под ногами. Широкая улица оказалась пустынной и как будто заброшена. Хотя редкие дома по обе стороны по всем признакам имели обитателей. Там тропинка к дому расчищена, там у ворот свежий отпечаток шин, а в соседнем дворе горит тусклый фонарь. Трудно судить о местности в неверном свете звезд при нестабильном состоянии духа. Но скорее всего, это небольшой коттеджный поселок непода-

леку от города. Причем поселок для жителей небедных. Джек оценил размеры и вид строений, частично скрытых внушительными заборами. Названия улицы и населенного пункта он нигде не заметил. Можно было прогуляться дальше, но, честно сказать, чувствовал он себя неважно, вдобавок продрог – тонкая куртка почти не защищала от холода. Нужно вернуться домой и накопить силы для обследования территории и выяснения обстоятельств. Он займется этим завтра утром, а сейчас надо поспать. Ускорил шаг. За несколько минут снег подмерз и теперь шумно скрипел под ботинками.

Дома было все так же пусто. Документы валялись на том месте, где он оставил их. Паспорт, банковская карта и сложенный вдвое лист. Он поднял его без особой надежды узнать что-то ценное. Развернул бумагу и прочитал:

«Не пытайся узнать прошлое. Я дал тебе шанс начать новую жизнь».

Помимо этих двух предложений больше ничего не было.

Тогда

Сколько Глеб себя помнил, он постоянно вляпывался в неприятности. Не то чтобы это его сильно беспокоило, – он любил острые ощущения. Но в последнее время острых ощущений наметился явный переизбыток. То ли он постарел и стал восприимчивей, то ли ангел-хранитель устал вытаскивать его из дерьма. Впрочем, в ангелов, чертей и прочую теологическую чушь Глеб не верил. Зато верил в обязательства, которые в очередной раз безапелляционно напомнили о себе. И ведь никуда не денешься. Придется ввязываться в новую историю, и кто знает, насколько мерзкой она окажется. Ничего не поделаешь, долги нужно отдавать.

Взбежал по лестнице на пятнадцатый этаж и позвонил в квартиру. Дверь открыла жена:

– Привет, родной.

– Привет. – Он поцеловал ее в щеку, разулся и прошел в комнату.

– Ты чего так задержался на работе? – Галя проследовала за мужем. – Есть будешь?

– Позже, – Глеб достал из ящика стола сигареты и открыл балконную дверь. – Я сейчас.

Не совсем вежливо, конечно, – жена ждала весь день, соскучилась. Но разговаривать о пустяках, когда голова взрывается от мрачных мыслей, нет никакого желания. Чиркнул зажигалкой. Сделал глубокую затяжку. Вообще-то он не курил. Только в последнюю неделю что-то нашло, сорвался на старую привычку, от которой избавился еще десять лет назад. Выпустил горькую струю сигаретного дыма и посмотрел вниз. Оживленная дорога постепенно пустела. После одиннадцати вечера здесь становилось почти приятно: ни раздражающего шума двигателей, ни вонь от выхлопов. При определенном усилии можно даже услышать шелест деревьев – несколько лет назад справа от дороги высадили маленькую рощицу. Глеб всерьез опасался за ее судьбу: деревца были такими тонкими и тщедушными, что при сильном порыве ветра – а ветра в этом районе частые и агрессивные – гнулись чуть ли не до земли.

Да, не в самом удачном месте он купил квартиру. Когда у тебя молодая невеста, а денег в обрез, не очень-то будешь привередничать. В конце концов они оба привыкли к их общему дому. Надо отдать должное Галиному вкусу: там занавески повесила, тут под другим углом кресло повернула, коврик где-то постелила – и пожалуйста, уют налицо. Живи да радуйся. Только Глеб не был бы Глебом, если бы так просто все складывалось. Безоблачная идиллия не в его репертуаре. Главное, держать себя в руках, чтобы жена не приставала с расспросами. Незачем ей вникать в его проблемы. Изменить ничего не изменит, а нервы себе потреплет.

Глеб улыбнулся: кто б сказал дерзкому и наглому юнцу, что его спутницей станет не отчаянная раскрепощенная девица, а ранимая скромная пай-девочка – ни за что бы не поверил. Никогда его не привлекал типаж серой мышки. И поди ж ты. Запал, как сопляк. И добивался ее год без малого. Галя была такой чистой и неиспорченной, что у заядлого циника, коим Глеб себя искренне считал, дух перехватило. Будь в его окружении больше подобных людей, он бы не реагировал столь бурно. Но так уж вышло, что с детства Глеб, практически выросший на улице, водился с ребятами, не отличавшимися образцовым поведением. А к концу учебы в школе в их классе сложилась особая компания.

– Извини, ты не любишь, когда тебя отрывают от размышлений, – жена приоткрыла балконную дверь и виновато улыбнулась. – Но ужин остывает, а ты все куришь и куришь одну за другой. Тебя что-то тревожит?

Глеб затушил сигарету о перила и щелчком пульнул ее на улицу.

– Зачем ты соришь? Есть же мусорное ведро, – возмутилась Галя.

– Пусть дворники выполняют свою работу. – Он обнял жену за плечи и увлек в комнату.

Галя молча наблюдала, как ест ее любимый. На языке вертелся добрый десяток вопросов, но она не решилась задать их. Глеб выглядел расстроенным и, похоже, едва справлялся со злостью. Она отлично изучила мужа: в такие моменты лучше его не донимать. А то взбесится,

сам себя накрутит еще сильнее, разобьет что-нибудь, а потом своей же вспышкой ярости будет недоволен.

То, что Глеб вспылчив, Галя поняла с первого дня знакомства. Поэтому и держала парня на расстоянии, несмотря на явную взаимную симпатию. Некоторые «подружки» называли ее синим чулком и вечной девственницей, что, вероятно, должно было обижать ее. Но она не придавала значения словам «доброжелателей». Для себя Галя давно решила, чего хочет и когда. Первым в списке задач значилось окончить педагогический институт, потом стать преподавателем в школе, а затем устроить личную жизнь и родить детей. Выйти замуж она планировала раз и навсегда, поэтому кавалеров рассматривала с пристрастием.

Следуя этой логике, Глеба следовало отсеять сразу же на первом этапе. Парень он был дерзкий, острый на язык, чуть что – лез в драку. Тихая семейная жизнь не проецировалась на его яркий образ. Однако с ним Галя чувствовала себя защищенной. Не спокойной, не расслабленной, а именно защищенной. Она знала, что может гулять ночью в любом районе города без опаски. Глеб постоит и за нее, и за себя, если что... И главное, сам никогда не посмеет обидеть ее. Да, в нем ощущалась агрессия, но он скорее разобьет кулак о бетонную стену, чем прикоснется к Гале без разрешения.

В общем, кровушки она из него попила немало. За долгие месяцы – ни поцелуя, ни объятий – лишь иногда позволяла взять себя за руку. Для такого парня, как Глеб, платонические отношения – дело немыслимое, из разряда фантастики. Он и сам потом признавался, что не понимал, как терпит подобное. Однако ж терпел.

Она не собиралась связывать с ним свою судьбу. Слишком неразумно. Но где-то на подсознательном уровне понимала, что ни за что не отпустит его. Он был другой, совсем другой. Но никого роднее Глеба Галя не встречала. Да и не хотела встречать. Последнюю точку в непростом решении поставила одна странная ночь. Галя жила с родителями и никогда не приглашала Глеба в гости. Но в тот день – это было самое начало лета – отец с матерью уехали на дачу. Галя позвонила парню и попросила приехать с вином.

– Разве ты пьешь? – первое, что спросил гость, проходя на кухню и ставя на стол пакет с алкоголем.

– Сегодня хочу напиток.

– Зачем?

Вместо ответа она пожала плечами и упорхнула в спальню. Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Глеб деликатно постучал и заглянул в комнату. Галя полулежала на кровати и смотрела на него исподлобья, хлопая длинными ресницами. Пыталась изобразить вожделение. Парень присел рядом и подал ей бокал с белым вином. Она сделала два глотка и поставила бокал на тумбочку. А потом положила ладонь ему на колено. Глебу не нужно было намекать дважды. Он придавил девушку сверху, накрыл ее рот своими губами. Галя почувствовала, как падает в бесконечно глубокую пропасть. И вместе с невесомостью на нее нахлынул страх.

– Не смей так делать, – она резко оттолкнула парня. – У нас никогда ничего не будет. Никогда!

Вскочила с кровати, выбежала из комнаты и заперлась в ванной. Было стыдно за свой нелепый поступок, она ведь искренне хотела близости, думала, что готова. Но эмоции оказались слишком сильны, и она не справилась. Сидела на полу и рыдала от страха, обиды и сожаления. Правду говорят подружки: великовозрастная девственница – это диагноз. Ей было жалко Глеба, но себя было жалче во сто крат.

Только бы он не ушел! Если он уйдет, она не простит ни себя, ни его... Глеб выбил дверь, аккуратно отставил ее в сторону. Поднял на руки сжавшуюся в углу девушку и, не говоря ни слова, отнес на кровать. Долго сидел рядом, гладил по голове, пока страдальца не успокоилась.

– Какая ты у меня глупая, – сказал он, повернув ее лицо к себе. – Я тебя люблю. Это ясно? И никогда не трону, если ты не захочешь.

Стоит ли говорить, что захотела она той же ночью. И никогда об этом не пожалела.

Воспоминания прервал звонок домашнего телефона. Галя пододвинула мужу чашку горячего чая и дотянулась до трубки.

– Родной, это тебя.

– Кто?

– Говорит, что товарищ.

Глеб поморщился. Если это тот, про кого он думает, то почему позвонил не на мобильный? Просил же!

– Алло?

– Здорово. Это Макс. Я насчет встречи. Прости, что так поздно и на домашний. Названивал тебе на сотовый, ты не брал трубу.

– Наверное, в машине оставил. Сейчас перезвоню.

Галя стояла рядом, с непосредственностью ребенка прислушиваясь к разговору. Глеб нажал на «отбой» и принялся за недопитый чай.

– Кто это был?

– Товарищ.

– Почему ты с ним так быстро поговорил?

– Потому что я ужинаю в обществе любимой жены и не хочу прерываться, – соврал Глеб. Кое-как допил ставший вдруг безвкусным чай и поспешно поднялся из-за стола:

– Я спущусь вниз. Заберу мобилу из машины.

Жена проводила его настороженным взглядом. Ей показалось, или он не хотел общаться с другом в ее присутствии?

Было за полночь, большинство окон в высотках напротив уже не горело – завтра рабочий день, люди предпочитали пораньше укладываться спать. Тем лучше, – немного темноты окружающему пейзажу не повредит. Глеб любил сумрак. Но для городского жителя сумрак – редкое удовольствие. В их с женой спальне висели плотные шторы, но даже толстая ткань не в состоянии обеспечить крошечную темноту, если вокруг на многие километры горят миллионы источников света. Сегодня сама природа решила прийти ему на выручку: начал накрапывать дождь, сперва слабый, потом пошел сильнее, пока не полил сплошной стеной. Глеб заскочил в машину и несколько минут неподвижно сидел, наслаждаясь картиной за окном. Тугие капли барабанили по стеклу, мокрая завеса приглушала свет уличных фонарей, – ему померещилось, будто воздух вокруг сгущается и начинает мерно раскачивать автомобиль, убаюкивая одинокого пассажира. Он бы с удовольствием поддался блаженному оцепенению, если бы мысли не вернулись к неприятному вопросу, который предстояло решать.

Телефон валялся на заднем сиденье. На дисплее высвечивалось десять неотвеченных вызовов. Глеб набрал номер Макса.

– Наконец-то, – выдохнул приятель. – Мы уж тут подумали, что ты срулить захотел.

– Да куда я теперь денусь.

– Это точно. Послезавтра Лизка прилетает, и мы встречаемся в нашем ресторане.

– Когда? – вяло поинтересовался Глеб.

– В девять вечера.

– Хорошо.

– Ты какой-то грустный, старик. Все путем?

– Да, порядок.

– Как у брата?

– Хорошо. Почти как новенький. Спасибо, Макс. Ты сам-то как?

– Я нормуль. При встрече перетрем.

– Тогда до среды.

Он знал Макса со школы. Сдружились с начальных классов. Они были крутой парочкой заudir, головной болью всех педагогов и грозой младшеклассников. Какие только пакости не вытворяли по малолетству. Потом, в старших классах, немного остепенились, осознав, что если играть, то по-крупному, с выгодой для себя. Да. К концу учебы в школе в их классе сложилась необычная компания, трое парней и одна девчонка. Как она втесалась к ним в доверие, никто из троих не понял. Глеб хорошо помнил день, когда после уроков Лиза – симпатичная черноволосая девица из параллельного класса – подошла к ним на заднем дворе школы, где они курили. Деловито достала сигареты, попросила спички. Парни тогда от такой наглости оторопели, – девчонки их стороной обходили, побаивались. А эта сама пожаловала, да еще так по-свойски. Первым отреагировал Макс, дал ей прикурить от своей сигареты. Лиза поблагодарила и заявила:

– Слушайте, я знаю, вы крутые ребята. Я к вам за помощью, – никто не ответил на ее реплику, и она продолжила: – К нам домой стал навещаться мой отец. Несколько лет от него ни слуху ни духу не было, а тут пропил все до копейки и пожаловал. Давит на жалость матери, она только в себя пришла после его ухода, а он заявился, сука, кается, спасите его. Мать каждую ночь плачет, не знает, что делать, извел ее совсем. Я ему несколько раз говорила, чтобы убирался и не смел портить нам жизнь, но человеческого языка он не понимает. Может быть, вы с ним поговорите? Пусть исчезнет.

– А чем ты с нами рассчитаешься? – хохотнул Макс, кинув на девицу недвусмысленный взгляд.

– А чем хотите?

Макс осторожно положил ручищу на ее грудь, опасаясь праведного гнева, на который так горазды девчонки. Лиза и не думала сопротивляться. Уставилась прямо на него, только глаза сверкнули:

– Да пожалуйста. Мне не жалко.

– Нас трое, – Джек попытался перевести все в шутку. Вообще-то звали его простым русским именем Иван. Как-то Глеб назвал его доктором Джекилом за его неумный интерес к медицине. Он штудировал учебники, посещал репетитора – готовился к поступлению на кафедру психиатрии и медпсихологии. Кличка к нему прилипла. Сначала «доктор Джекил» сократили до Джекила, а затем и вовсе до Джека. Так и повелось, Джек да Джек.

– А у меня благодарности на всех хватит. Знакомиться будем?

В тот же вечер с горе-отцом была проведена вразумительная беседа, после чего он надолго отбросил мысли о возвращении в семью, которую однажды предал. Мужик попался трусливый, даже бить его не пришлось. Так, помяли чуть-чуть. Одним словом, алкаш, что с него взять.

Лиза рассчиталась с каждым из троих. По очереди. Тогда столь шокирующая раскрепощенность казалась немыслимой. В компанию Лизу приняли мгновенно. Девчонкой она была умной и отчаянной и как-то незаметно из объекта похоти превратилась в своего парня. Именно она и предложила однажды ту злосчастную игру...

Глеб посмотрел на часы: без четверти час. Жена, наверное, уже сто раз собиралась позвонить, но деликатничает, боится выглядеть назойливой. Что ни говори, с супругой ему повезло. А то, что не расскажешь ей всего – так это нормально. Незачем из возлюбленной делать боевого товарища. Товарищей ему хватает. И теперь он даже не знал: радоваться по этому поводу или грустить.

* * *

Весь следующий день Глеб старательно гнал прочь мысли о завтрашней встрече. Несколько лет назад он и представить не мог, что когда-то будет избегать общения со школьными друзьями. Какое-то время ближе и роднее людей для него не существовало. Ведь их объединяло нечто большее, чем обычная дружба. Каждый из четверых знал: если ему понадобится помощь, он может на нее рассчитывать. Его поддержат, чего бы это ни стоило. Закон круга.

Начиналось все как шутка, их личная тайна, в которую посвящены только четверо. Лиза озвучила свою идею, все вместе ее доработали. Почему бы не попробовать? Суть игры была такова: кто-то из друзей говорит о своей проблеме, с которой не в состоянии справиться в одиночку. Товарищи должны помочь. Как только первый получает желаемое, наступает очередь второго, третьего, четвертого. Сложность задачи, ее сомнительность, несоответствие нормам морали не имеют значения. Никто не смеет осуждать или отговаривать друга от реализации задуманного. Он имеет право требовать. И остальные должны подчиниться. Когда все четверо пройдут через игру, круг считается завершенным. Но если первый вновь решит воспользоваться такой возможностью, это знаменует начало нового круга.

Кому стать первым, выяснили быстро – бросили жребий. Честь быть первым выпала Глебу. Он долго думать не стал: уже месяц его тревожила перспектива быть исключенным из школы. Директор дал понять предельно ясно, что не намерен терпеть его хулиганские выходки и в кратчайшие сроки решит вопрос об отчислении. Менять школу в выпускном классе Глебу совсем не хотелось. Но не станешь же угрожать директору? С ним такие шутки не пройдут. Это тебе не алкашня, которую легко припугнуть.

Думали несколько дней, пока Джек не обронил гениальное:

– Единственный вариант, это чтобы Николаич заболел, серьезно и надолго. Тогда на его место назначат исполняющего обязанности, скорее всего из завучей. А вы знаете всех наших завучей...

– Это точно. Ребята все сурьезные, – загоготал Макс.

– Значит, осталось придумать, как заразить Николаича плохой болезнью, – сказал Глеб.

Макс подмигнул:

– Лизка, это по твоей части.

– Иди ты, придурок. После того, как я с тобой перестала трахаться, я чиста и здорова.

Все заржали.

– Слушайте, – Лиза посерьезнела. – Чего мы на болезни зациклились? А если директор получит травму?

Парни переглянулись. Воцарилась тишина. Первым прервал молчание Джек:

– Предлагаешь уронить ему на голову кирпич?

– Вы посмотрите на себя. Здоровые лбы. Я предлагаю, чтобы поздно вечером на директора школы напали неизвестные и переломали ему пару костей.

– Ну ты и с-сука, Лизка, – уважительно присвистнул Макс.

Она церемонно поклонилась и повернулась к Глебу:

– Что скажешь?

Тот замялся, не зная, как реагировать на ее предложение. С одной стороны, директор был реальной занозой в заднице. Избавиться от него – верх везения. Но не таким же способом!

– Других вариантов нет?

– Ты можешь стать примерным мальчиком, повиниться во всем, исправить оценки. Но вряд ли это тебя спасет. Если Николаич принял решение, то уже его не изменит.

Глеб думал всю ночь. Прикидывал, может, и правда сменить школу. Нет в этом ничего ужасного. Потерпит немного, а там уже выпускной. А с друзьями можно и после уроков встре-

чаться. Хреново, конечно. Но это лучше, чем избивать старика. Когда принял решение – полегчало. Утром на уроки пришел пораньше, не терпелось озвучить друзьям свое гордое «нет».

В школе было оживленнее, чем обычно. Обсуждали какую-то новость. Лиза поймала взгляд приятеля и заговорщицки ему подмигнула.

– Ты чего? – не понял Глеб.

– Ничего, – она поправила волосы. – После поговорим.

Все выяснилось на последнем уроке. В класс вошли двое милиционеров и объявили: так, мол, и так, вчера вечером в подъезде собственного дома был избит директор школы Федор Николаевич Усков. Двое неизвестных в масках напали на него, когда тот поднимался по лестнице. Сначала оглушили, затем нанесли несколько ударов арматурой по ногам. Сейчас Федор Николаевич находится в больнице в тяжелом состоянии. У него открытые переломы обеих конечностей и сотрясение мозга. Если кто-то обладает информацией, полезной для следствия, убедительная просьба незамедлительно сообщить.

Глеб едва сдержался, чтобы не проблеваться прямо на пол.

После уроков они встретились, как обычно, на заднем школьном дворе. Настроение у всех было мрачное, разговаривать не хотелось. Так и курили молча. В том, что передумал, Глеб не признался. Какой теперь в этом смысл? Еще за слабака примут.

Несколько недель друзья ювелирно избегали бесед о неприятном инциденте. Постепенно болезненные воспоминания померкли, и тогда Макс решил воспользоваться своим правом.

Макс всегда отличался любвеобильностью. Не было в школе ни одной красивой девушки, которую бы он не оприходовал. Черт знает, как ему это удавалось. Особой привлекательностью он не отличался, красноречием не обладал, манерами не блистал. Грубоватый был парень, надо признать. Может, этим и брал. Нависнет над тобой эдакая машина с квадратным подбородком, – попробуй, откажи. Так или иначе, одна отказала. Лидочка Сомова из 11-го «В».

Девушка была привлекательная: невысокая, тонкая, с большой грудью. Косметикой не пользовалась, даже губы не красила, чем выделялась из толпы одноклассниц. Красота у нее была природная, но не пресная, как иногда бывает, а пикантная. Ее лицо хотелось рассматривать, брать в ладони и любоваться. Пожалуй, Глеб и сам был бы не против подружиться с ней, если бы не ее невыносимая прилежность. Отличницы такие скучные.

– Толком объясни, чего ты хочешь, – Лиза любила конкретику.

– Да чего тут объяснять? Полюбить он ее хочет разок-другой, – усмехнулся Джек. – Я прав, Макс?

– Хороший из тебя психопат выйдет.

– Психотерапевт.

– Ага. Я и говорю.

Лиза скрестила руки на груди:

– Ни за что не поверю, что у тебя не получилось затащить в койку какую-то зубрилу. Она устояла перед твоим топорным обаянием?

– Типа того, устояла, – Макс сплюнул. – Давайте думать.

Глеб, до этого молчавший, встрял в разговор:

– Тут все просто. Лиза, ты замани ее к себе домой, у тебя мать допоздна пропадает на работе. Посидите, поболтайте. Вином ее напои. Обычно пьяные девчонки раскрепощаются. Макс неожиданно подкатит, глядишь, и все срастется.

– Легко сказать «пригласи и напои», – хмыкнула девушка. – Мы с ней почти не общаемся. И сомневаюсь, что она пила что-либо крепче минералки.

– Отлично. Ты ей в минералку и добавишь водки для вкуса, – Макс завелся, почуяв близость добычи. – А то, что вы не общаетесь, разве для тебя это проблема? Ты же без мыла в ж...у влезешь.

– Спасибо, милый.

– Ты знаешь, как мы тебя любим.

– Ладно. Попробую.

На том и порешили.

Прошло недели полторы, прежде чем Лизе удалось втереться в доверие к новой подружке. Парни сидели на скамейке у подъезда, выжидали момент, чтобы нагряться в гости. Настроение было приподнятое, друзья шутили, то и дело отхлебывая портвейн из бутылки. Макс поглядывал на часы – не терпелось. Наконец, время подошло, и они табуном поднялись на третий этаж. Позвонили. Лиза открыла дверь и нарочито удивленно воскликнула:

– Ой, мальчики, вы чего?

– На улице холод собачий, решили к однокласснице нагряться, погреться. Пустишь?

Лиза замялась:

– У меня гостя, я не знаю, будет ли это удобно, – она заглянула в комнату и виновато пожала плечами, обращаясь к подружке: – Лид, ты не против, если ребята с нами немного посидят?

– Не против. Я все равно собиралась уже уходить.

– А куда спешить? – Макс по-хозяйски зашел в комнату и уселся возле перепуганной девушки. – Посмотрим телевизор, лимонад попьем. А потом мы тебя проводим.

Лида натянуто улыбнулась и отодвинулась, насколько позволял диван. Судя по всему, напоить подружку у Лизы не получилось. Веселого настроения парней это обстоятельство не убавило. Макс травил пошлые анекдоты, невзначай клал руку на коленку девушки. Лида терпела до последнего, но вскоре не выдержала. Порывисто встала, заявила, что ей надо уходить.

– Можно тебя на пару слов? – Макс изобразил серьезность.

– Давай завтра. Уже поздно. Мне правда пора.

Макс взял ее за локоть и подтолкнул в сторону спальни:

– Не ломайся, цыпа. Просто на два слова.

Лида попыталась вырваться. Получилось смешно. Глеб был уже в доску пьян и воспринимал действительность как юмористическую лубочную картинку. Вот большой и страшный Серый Волк схватил Красную Шапочку и поволок в свое логово. Девчонка дергается и пищит, не подозревая, что ей понравится, ведь у волка такой большой хвост. Глеб прыснул со смеху.

Из спальни доносились звуки возни и приглушенные крики. Похоже, Максу требовалась помощь. Джек кивнул Глебу и пошел в комнату. Картина предстала живописная. Лида лежала на спине, пытаясь скинуть с себя восьмидесятикилограммовую тушу Макса. Изо всех сил колотила его слабыми кулачками, не причиняя насильнику ни малейшего дискомфорта. Тому даже нравились отчаянные потуги жертвы.

– Джеки, поддержи ей руки. Вертится, сука, не могу платье задрать.

Глеб замер в проеме двери, привалившись к косяку, с любопытством наблюдая за происходящим. Сначала было весело, – в какой-то момент ему померещилось, что герои стали ярче и контрастнее, как в рисованном мультфильме. Сплелись в странный живой клубок, который подпрыгивал, вибрировал и перекачивался из стороны в сторону. А потом нахлынуло возбуждение.

У Лиды была очень красивая грудь. Сексуально колыхалась в такт движениям Макса. Глеб приблизился и положил пальцы на светло-коричневый сосок. Он был теплый и влажный. Парень встал на колени и прикоснулся губами к торчащему комочку плоти. Наверное, в эротическом порыве Глеб отключился на какое-то время. Ибо когда оторвался от груди, Макс уже застегивал брюки, а Лида лежала без движения с широко раздвинутыми ногами и даже не пыталась прикрыться. Глядела в потолок, не моргая, словно поломанная кукла.

– Надеюсь, ты пользовался резиной, – Лиза зашла в спальню и критически покачала головой.

– Обижаешь, – Макс устало улыбнулся и махнул рукой. – Мы тут малость насвинячили.

– Я вижу. Дайте девчонку проверю.

Она деловито осмотрела лежащую в прострации девушку.

– Отлично, ни синяков, ни крови. Пуговицы на кофточке только порвали. Ну, это я пришиву. Сейчас ее помоем, причешем, дадим ей выпить и отправим домой. Подаст заяву в милицию – обломается. Ничего не докажет. Следов насилия нет. У Макса алиби, – мы с ним весь вечер сидели у меня дома, готовились к лабораторной работе по химии. Вы двое были вместе. Скажем, бегали кросс. Вы ж у нас спортсмены.

Глеб улыбался своим мыслям, пребывая где-то далеко. Давно он так не напивался. Лиза больно толкнула его в бок:

– Хватит скалить зубы, помоги дотащить ее до ванной! А ты, – она повернулась к Джеку, – протри салфеткой все, к чему она прикасалась, и полы вымой.

В милицию Лидочка Сомова не заявила. В школе ее больше не видели. Ходили разные сплетни, но никто ничего толком не знал. Какое-то время Глеб испытывал чувство вины, но закон круга утешал. В конце концов, нужно было помочь товарищу. Раз пообещал – слово не нарушишь. А девчонка... Неприятно, конечно. Но убыло с нее, что ли? Поплакала да забыла.

Дружба четверых меж тем только крепла. Все понимали: справляться с проблемами в одиночку куда сложнее. А когда за спиной надежные друзья – становишься практически неуязвим.

Глеб с трудом оторвался от воспоминаний. Надо заехать навестить брата. Юрка обещал познакомить его с новой подружкой. Говорит, у них все серьезно. Хорошо, что Юркина жизнь начала входить в нормальное русло. Еще год назад об этом не приходилось даже мечтать.

* * *

Молодой красивый официант ресторана итальянской кухни стоял у первой колонны, откуда хорошо просматривался весь зал. Посетителей было мало, свободного времени много, можно заняться любимым делом – изучать гостей. Не то чтобы у молодого официанта был тайный умысел, нет. Он не проявлял чудес психологии и не лез из кожи вон, чтобы заработать больше чаевых. Ему просто нравилось разглядывать людей и угадывать, кто они, чем занимаются и кем друг другу приходятся.

Иногда ответы были очевидны, как, например, с парочкой за вторым столиком. Дедок в костюме от Армани и его юная ухоженная спутница в обтягивающем платье. Старичок молодился и пускал пыль в глаза, заказывая самые дорогие блюда. Познакомились они недавно и еще только обговаривали дальнейшие отношения. Но секс ему уже однозначно перепал. На нынешний вечер он возлагал большие надежды, хотя вряд ли ему сегодня обломится. Судя по отлаженным кокетливым движениям, девица на этом поприще не новичок и дело свое знает. Сначала растопила сердце старика бонусом в виде сладкого секса, а теперь будет держать на голодном пайке, пока не получит свое.

А иногда над ответами приходится изрядно ломать голову, прежде чем ситуация прояснится. Над троицей за десятым столиком наблюдатель бился уже полчаса.

Первыми пришли двое: мужчина быковатого вида и изящная брюнетка. Сначала красивый официант предположил, что это давние любовники – общались они по-приятельски, но намеки на интимность иногда сквозили в их движениях. И то, как женщина близко наклоняла голову к уху собеседника, и то, как он накрывал своей огромной ручищей ее тонкое запястье, выдавало теплые чувства. Но страсть отсутствовала. Наверное, оба имеют семьи, встречаются друг с другом по привычке или ради удовлетворения необычных сексуальных фантазий. Женщину можно было бы назвать безупречной, если бы не плотно сжатые губы и ломаный изгиб бровей. Именно такой портрет роковой красавицы обычно рисуют художники. Образ довер-

шали карие, густо подведенные глаза и черное каре с длинной челкой. Может статься, этой дамочке слегка за тридцать нравились игрища в стиле садомазо.

Официант почти успокоился, посчитав задачу решенной, когда к парочке подошел второй мужчина. Они его ждали. Приветствие было теплым. Брюнетка кокетливо поправила челку и нежно поцеловала в губы нового гостя. Лицо его с благородными чертами и умными глазами поразительно диссонировало со спортивной фигурой. Делая заказ, он говорил вежливо и тихо, будто боясь спугнуть официанта. При этом левая его рука, лежавшая на колене, машинально сжималась в кулак. Странный тип. Что-то в нем не сходилось.

Красивый официант только начал прикидывать варианты, кем могли быть эти трое и какие отношения их связывают, когда к ним подошел еще один неизвестный. Ситуация становилась все интереснее. Жаль, пришлось отвлечься на новых посетителей ресторана, требовавших внимания. Похоже, загадочная четверка здесь надолго, будет шанс вернуться к ней и пораскинуть мозгами.

– Старик, здорово! – Макс широко улыбнулся и протянул приятелю пятерню.

– Привет. – Глеб пожал руки приятелям, поцеловал подругу в щеку и уселся за столик.

– Давно не виделись, – Лиза достала сигарету, прикурила от протянутой Джеком зажигалки. – Ты в порядке? Выглядишь неважно.

– Да замотался, даже губы накрасить некогда, – пошутил он мрачно. – А ты откуда такая свежая и загорелая?

Лиза выпустила вверх струю дыма:

– На курортах отдыхала, пока меня вот этот засранец не сорвал, – она кивнула на Макса.

– Прости, Лизка, но дело срочное, – повинился тот.

– Не парься. Выкладывай уже, чего там у тебя за проблемы. Все в сборе.

Макс выдержал паузу, размышляя, как лучше начать. Он не сомневался, что друзья ему помогут, какой бы щекотливой ни казалась им ситуация, но все равно нервничал. Однако заднюю скорость включать поздно. Да и чего ему опасаться? Укоров? Смешно. Глеб вон не церемонился, когда за брата просил. Да и Джекил тоже не очень похож на раскаявшегося грешника. Лизка, правда, хоть и была самой отчаянной из них, никогда не требовала ничего подлого или безнравственного. Так, все по мелочи. Например, устроить знакомство с одним влиятельным и холостым денежным мешком. Неизвестно, зачем подруге помощь понадобилась – она и сама прекрасно справилась бы. Иногда Максу казалось, что Лиза пользовалась своим правом круга лишь бы отвязаться и поскорее сдать очередь следующему игроку.

Он посмотрел на нее. Она сверлила его взглядом, выражая недовольство затянувшейся паузой. Макс набрал в легкие побольше воздуха и выпалил:

– В общем, тут такое дело. Вы в курсе, что я женат и Надьку свою люблю. Но тягу мою к молодым телкам вы тоже знаете. Короче, закрутил я с одной, а она недавно заявила, что ждет от меня ребенка. А он мне на хрен не нужен. Аборт делать отказывается. Я ей и угрожал, и деньги предлагал, она ни в какую. Буду рожать, говорит.

– А от нас ты чего хочешь? Признать отцовство? – пошутил Джек. Лиза толкнула его локтем в бок, намекая заткнуться.

– Мне этот ребенок не нужен. Я знаю таких телок. Они поют, что рожают для себя и никогда не проявятся в твоей жизни. А потом возникают из ниоткуда, уличают тебя в давнем грехе, ломают семью, выкачивают все до копейки и сваливают. Если Надька узнает про измену – никогда не простит. А с этими тестами на ДНК никак не отвертишься, – Макс замолчал. Повисла напряженная тишина.

– Надо убедить девчонку прервать беременность, я правильно поняла?

– Ты всегда все понимаешь правильно. И почему я на тебе не женился?

– Потому что я не захотела, – фыркнула Лиза.

– Ну да, точняк.

- Какой у нее срок? – прервал их воркование Джек.
- Три месяца.
- Времени в обрез.
- Да она сообщила мне об этом только неделю назад. Я сам пытался разрулить, но курва попалась непробиваемая, – Макс поднял руку, подзывая официанта, и заказал водки.
- Что-нибудь еще? – красивый официант грациозно повернулся к единственной женщине за столиком. – Вино для дамы?
- Лиза достала из пачки очередную сигарету.
- Дама тоже будет водку.
- Когда официант удалился, добавила:
- Мутный парень. Весь вечер пялится, как филин. Того и гляди заушает.
- Все промолчали.
- Вернемся к нашим баранам, – Джек обвел взглядом присутствующих. – Какие будут версии?
- Может, ты попробуешь с ней поболтать? Используешь одну из своих методик. Психолог ты или кто? – спросила Лиза.
- Психотерапевт. Могу попробовать. Но на опыте знаю: беременную девицу, которая хочет родить, переубедить невозможно.
- А ты чего молчишь? – Лиза изучающе посмотрела на притихшего Глеба. – Ты вообще с нами? Слезай, Емеля, с печи, коли хочешь калачи!
- Я с вами. Впитываю и прикидываю.
- Ты бы вслух прикидывал. Нам тебя не хватает, – не отставала Лиза.
- Глеб заиграл желваками, едва сдерживаясь, чтобы не сказать грубость. Подруга никогда ему не нравилась. То есть женщина она была привлекательная и неординарная, но как личность оставляла желать лучшего. Не должно быть в человеке столько цинизма. Иногда Глебу казалось, что она вообще лишена способности сострадать.
- Хорошо. Если проповедь Джека не поможет, что предпримем? – Макс вернул разговор в деловое русло.
- У меня есть знакомая акушерка.
- Все одновременно повернули головы в сторону Лизы. Она сделала последнюю затяжку и затушила едва начатую сигарету, остервенело изломав ее в пепельнице.
- Но привлекать левых людей рискованно. Поэтому предлагаю этот вариант оставить на крайний случай.
- Согласен, – поддержал ее Джек. – Надо заставить девку саму пойти на аборт. Макс, у нее есть родные?
- Да откуда я знаю? Я не вникал. Мы несколько раз потрахались и разбежались.
- Где живет-то, знаешь? Имя, фамилия?
- Знаю.
- Уже неплохо.
- Я, похоже, туплю, – вмешался Глеб. – Я не улавливаю, что вы задумали.
- Лиза закатила глаза:
- Ты и правда тупишь. Если у нее есть родные, то пусть выбирает, чья жизнь ей дороже – мамы-папы-сестры-брата или сгустка слизи в ее животе.
- Я че-то не понял, – Глеб глупо улыбнулся. – Мы тут убийство планируем?
- Джек постарался разрядить обстановку:
- Почему убийство? Просто пригрозим. Если не сработает, тогда поищем другие пути.
- Да что ты с ним возишься, – взбесилась Лиза. – Ребенок он, что ли, сопливый? Если не сработает, – она перевела взгляд на Глеба, –отрежем ее папаше несколько пальцев для

устрашения. Упакуем в коробочку, пошлем в подарок нашей девчонке. Если не дура совсем, прикинет: родители у нее одни, а детей она нарожать может сколько угодно.

Глеб стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнули тарелки.

– Это уже все границы переходит. Я не боюсь запачкаться. Но все это реально пахнет дерьмом.

– Слушай, неженка, – Лиза сузила глаза. – С каких это пор ты стал щепетильным в вопросах морали?

– Мне это не нравится, – по слогам произнес Глеб.

– Думаешь, Макс у нравилось инвалидом стать по твоей милости? – так же медленно парировала она. – Так вот, я тебе скажу: не нравилось ни хрена. И никому бы не понравилось. Но мы пообещали поддерживать друг друга. Мать твою, мы не чужие люди! И когда ты умолял о помощи, мы просто не могли тебе отказать! Макс не мог! Именно он спас твоего брата. А теперь ты заявляешь, что все это плохо пахнет? Ну и мудака же ты... – Лиза обессиленно откинулась на спинку стула и отвернулась, борясь с эмоциями. На ее виске пульсировала тонкая голубая вена.

– Я выйду... на улицу... скоро вернусь, – выдавил Глеб и выскочил из-за стола.

– Лизка, успокойся. Все нормуль, – Макс погладил ее длинные пальцы. Странно было видеть в этом грубоватом амбале такую щемящую нежность.

Выдержки ему хватило, чтобы выйти из ресторана и свернуть за угол. Здесь и прорвало. Он бил в кирпичную стену, пока боль в руках не стала невыносимой. Глеб остановился и посмотрел на свои кулаки – костяшки сбиты в кровь, пальцы не разгибаются. Черт! Он же знал, что не надо было начинать пятый круг! Знал, но не мог не начать...

Юркина болезнь свалилась как снег на голову. Молодой здоровый парень, и вдруг такой диагноз. Никто до последнего не верил, думали, это ошибка врачебная. А потом брату резко стало плохо. Вызвали «Скорую», отвезли в больницу. Там Юрку сразу поместили в реанимацию. Несколько часов Глеб сидел под дверями, ждал, когда сообщат хоть какую-то информацию. Потом вышел заведующий, сказал: у вашего брата кровоизлияние в мозг, он в коме. После инсульта Юра очнулся только через неделю, первые дни даже говорить не мог. Почки отказали. Требовалась пересадка донорского органа.

Глеб проверился сразу же, но его почка не подошла. Больше родственников не было, на кого рассчитывать – непонятно. Галю не просил – не смел, но она по своей инициативе обследовалась и тоже оказалась неподходящим донором. Оставался шанс дожидаться трупной почки (пересадка от мертвого донора), но Юрка мог не дожить, слишком плохо переносил диализ. И тогда Глеб вспомнил про свое право.

Он обещал себе, что никогда больше им не воспользуется. Но выбора не было. Нельзя же сидеть сложа руки, наблюдая, как умирает единственный брат. Никто не давал гарантии, что друзья согласятся. Добровольно обречь себя на инвалидность – слишком тяжелое испытание для дружбы. Но даже если товарищи проявят неслыханное благородство, еще не факт, что кто-то из них подойдет. Были тысячи разных «но». Однако попробовать стоило. Три дополнительных шанса... Целое сокровище.

Почка Макса спасла Юрке жизнь.

Глеб сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Надо успокоиться. Некрасиво получилось. Заистерил, убежал. Если взглянуть на проблему хладнокровно, отбросив сентиментальность, то Лизин вариант не столь и драматичен. Миллионы баб делают аборты, это распространенная медицинская операция. Миллионы мужиков отказываются от отцовства и вынуждают своих подруг прерывать беременность. И кто сказал, что окончательное решение за женщиной? У мужчины столько же прав. Ну, родит несчастная овечка очередную безотцовщину, лишив

ребенка нормального детства. Зачем? Может ведь подождать, встретить подходящего партнера и плодиться на здоровье.

Глеб сознательно взвинчивал себя, приводя все новые аргументы в защиту друга. Оступился, поддался инстинкту, с кем не бывает. Что ж теперь, пусть семья разваливается? Жену Макс любил. Стремился оградить от всех неприятностей. По большому счету, его просьба вполне адекватна. А по сравнению с тем, чем товарищ пожертвовал, вообще незначительна. Глебу стало стыдно за свою бурную реакцию в ресторане. Смалодушничал на пустом месте. Накопилось за последнее время, вот и взорвался. Надо извиниться.

Молодой официант пребывал в полном замешательстве по поводу десятого столика. Эти четверо вели себя в высшей степени любопытно. Полчаса назад они повздорили, причем атакующую позицию заняла фам фаталь. Объект ее нападок едва не опрокинул стол и в буквальном смысле спасся бегством. Вскоре, однако, вернулся – взъерошенный, перепачканный кровью. Жуткое зрелище. Сходил в туалет, привел себя в порядок и как ни в чем не бывало уселся на свое место. Беседа потекла в прежнем русле, но понять, о чем они говорили, у него не получалось. Едва он приближался, чтобы заменить пепельницу или убрать грязную посуду, все четверо умолкали. Посидели еще час, расплатились и ушли. У выхода брюнетка развернулась, подошла к официанту почти вплотную и строго погрозила пальцем:

– Гляди у меня, – она посмотрела на бейджик с именем и добавила: – Боря.

Борю настолько ошарашила эксцентричная выходка, что, едва за дамочкой захлопнулась дверь, он побежал на кухню хлебнуть водички. Один урок из сегодняшнего вечера он для себя извлек: нужно постараться научиться читать по губам.

* * *

Какое-то время пальцы гладили отполированную поверхность стола, затем замерли на месте и выдали торопливую дробь. Психотерапевт частной клиники Иван Сергеевич Кравцов сидел в кресле, задумчиво глядя на часы. На четырнадцать ноль-ноль записан пациент, сейчас без четверти, пообедать все равно не успеешь. Оставалось использовать короткий перерыв, чтобы подвести итог беглого знакомства с психотипом госпожи N. Положил перед собой чистый лист, минуту смотрел на него, затем быстро набросал несколько отрывочных предложений.

Прав Глеб, что вспылil по поводу плана Елизаветы. План и в самом деле идиотский. Во-первых, театральный и неоправданно сложный, во-вторых, не сработает. После «случайной» встречи с девицей Джек успел оценить некоторые особенности ее характера. Запугивать такую бесполезно. Принципиальности в ней больше, чем благоразумия. Образец редкостного упрямства. И ведь что самое интересное – она далеко не глупа. Наверняка бы добилась в жизни многого, если б не перла как танк, где надо и не надо.

К несчастью для госпожи N., единственный приемлемый вариант избавиться от ее плода – насильственно спровоцировать выкидыш. Задача трудная, но выполнимая. Причем гораздо более простая в реализации, чем «отрезанные пальцы» и прочая чернуха. Умеет Елизавета запудрить мозги своими садистскими фантазиями. Они с Максом всегда были два сапога пара. Приятель отдавал отчет своим наклонностям и отводил душу на стороне, склоняя любовниц к жесткому сексу, а вот Елизавета свою натуру старалась обуздывать. Но что-то плохо у нее получалось. Джек неоднократно вызывал ее на разговор, но она быстро пресекала попытки беседы в стиле «психотерапевт – пациент». В общем, он не очень-то и стремился. Работы по профилю и в клинике хватало.

Зазвонил внутренний телефон.

– Иван Сергеевич, пациент дожидается в приемной. Приглашать?

– Да, приглашайте.

День выдался непримечательный: ни одного интересного случая. Все пациенты как на подбор – серые, скучные, с одинаковыми проблемами. Такие дни Кравцов не любил. Поэтому вечером почти с облегчением покинул работу. Обычно он не торопился домой: там его никто не ждал, а проводить досуг в одиночестве занятие не самое веселое. Раньше он отправлялся или в спортивный клуб, или в бар, где пропускал пару-тройку бокалов бренди. Теперь оставался только первый вариант. Со спиртным он завязал больше года назад.

Перспект стоял в пробке, велись ремонтные работы. В последние дни, чтобы не торчать в трафике по три-четыре часа, Джек ездил по объездной дороге. Не нравилось ему это. Сразу накатывали воспоминания. Он нажал на педаль газа, чтобы поскорее миновать проклятый участок трассы. Тот самый участок, едва не поломавший ему жизнь и карьеру.

Память предательски ясно воспроизвела апрельский вечер прошлого года. Джек возвращался из бара навеселе. Управлять машиной в нетрезвом виде не боялся: водителем он был отменным, ни одной аварии за пятнадцать лет. А с сотрудниками ГИБДД всегда можно договориться. Впрочем, его почти никогда не останавливали...

Джек вырулил на объездную дорогу. Было поздно, машин мало. Можно нормально разогнаться. Прибавил скорость, наслаждаясь отзывчивостью автомобиля. Хорошую тачку взял. Жаль, до сих пор не обкатал как следует. Для двухлитрового турбированного мотора правила дорожного движения – как цепь для гончей.

Пустынная трасса блестела от дождя, уходила вдаль, растворяясь в темном небе подобно взлетной полосе аэродрома. Светофоры игриво подмигивали разноцветными глазами, намекая одинокому путнику ни в чем себе не отказывать: «К чему ограничения?» – подумал Джек и выжал стрелку спидометра до 180 километров в час.

Лихо справился с опасным поворотом, пролетел перекресток, и еще один. Вдалеке горел красный сигнал, но скорость достигла почти двести километров в час, и было бы глупо сбавлять ее на пустой дороге. В окрестностях не было ни жилых домов, ни промышленных предприятий, участок трассы прямой, без разветвлений, – вообще не понятно, зачем здесь установили светофор. Наверное, чтобы позлить водителей. Джек прибавил газу. То, что потом произошло, показалось ему странной, нелепой шуткой. Такого не должно было случиться. Никогда прежде по ночам здесь не околачивались прохожие. Пешеход возник будто из-под земли. Поднялся из ада, чтобы поломать его, Ивана, судьбу.

Толчок, удар, резкий короткий звук от столкновения с чем-то тяжелым и мягким. Джек до предела вдавил педаль тормоза в пол, но было поздно. Автомобиль проехал несколько десятков метров, прежде чем окончательно остановился.

Он протрезвел моментально. За секунду просчитал развитие ситуации. Если вызовет сейчас ДПС и расскажет правду, ближайшие несколько лет проведет за решеткой. Слишком тяжелая вина. Во рту пересохло. В затылке что-то остро кольнуло и стало расползаться по всей голове. Джек поморщился от боли. Нет. Такого будущего нельзя допустить.

Глеб приехал почти сразу, – Джеку повезло, находился неподалеку. Макс и Лиза – через полчаса. За это время по телефонной конференции продумали все до мелочей. И только когда подготовили убедительную версию, вызвали «Скорую» и ментов. И понеслось: группа разбора, наркоконтроль, объяснения, дознаватель...

Судили Глеба. По официальной версии именно он вел машину. Его друг, Иван Кравцов, будучи в нетрезвом виде, попросил довезти его до дому. Ехали с положенной скоростью на разрешающий сигнал светофора, когда неожиданно на дорогу выскочил сумасшедший и кинулся под колеса. Информацию подтвердили случайные свидетели, оказавшиеся поблизости от места происшествия. Елизавета Гончарова красочно описала эксцентричный поступок молодого человека. Она стояла рядом с ним на переходе, ждала зеленого сигнала светофора,

чтобы перейти на другую сторону, когда парень вдруг бросился под проезжавший мимо автомобиль. Однозначно, это была попытка самоубийства. По-другому его действия не объяснишь.

Ехавший по встречной полосе Максим Гладко тоже оказался свидетелем драмы. Его показания соответствовали рассказу других очевидцев. Адвокату оставалось лишь красиво преподнести факты и потребовать снять обвинения со своего подзащитного. Закончилось все удачно. Глеба признали невиновным в ДТП, лишь обязали возместить расходы на лечение пострадавшему. Разумеется, Джек сам за все заплатил.

У пешехода было несколько переломов и еще что-то там, – Джек избегал подробностей. Ничего уже не изменишь, а настроение испортится.

Кравцов тряхнул головой, прогоняя картины из прошлого. Нужно жить настоящим, а все остальное – вздор и иллюзии. «Позитивное мышление притягивает позитивные события», – пробормотал Джек. Словно подтверждая его слова, прямо от подъезда дома отъехал автомобиль, освобождая удобное место для парковки.

– Ну вот, совсем другое дело, – довольно улыбнулся и заглушил двигатель. Спустя пять минут уже отпирал дверь своей квартиры.

Едва успел принять душ и вскипятить чайник, как на мобильный позвонила Елизавета.

– Я прослушала твоё сообщение на голосовой почте. Извини, сразу не ответила, муж рядом ошивался.

– И чем ты недовольна? Помнится, ты яростно добивалась, чтобы он на тебе женился.

– Время идет, задачи меняются. Но об этом мы позже поговорим. Давай про Макса.

– Собственно, я свои заключения озвучил, – Джек налил в кружку кипятка, опустил в нее пакетик с чаем и уселся за барную стойку.

– Ага, мы все поняли. Выкидыш значит выкидыш. По отработанной схеме пойдём? – Лиза улыбнулась.

– Это какая же у нас отработанная схема? – не понял собеседник.

– Машиной сбить.

Джек сделал неосторожный глоток и обжегся горячим напитком:

– Тьфу! Умеешь ты на большую мозоль наступить, – он сердито отставил чашку подальше. – Есть и другие варианты.

– Например?

– Падение со второго этажа. Сама не убьётся, а плод от удара пострадает непременно.

– Может, лучше с третьего, чтоб наверняка?

Джек покачал головой:

– И за что ты так людей ненавидишь, Лиз?

Вопрос разозлил ее. Она долго чиркала зажигалкой, тихо матерясь, затем, наконец, прикурила.

– Какие вы, мужики, одноклеточные бываете. Все время обличаете женщин. Я не ненавижу людей, Ванюша, я мыслю логически и нахожу наиболее простые пути. Иногда они могут идти вразрез с нормами человеческой морали, но кто придумал эту мораль? Сами люди и придумали, чтобы большинству удобнее было жить. Только я не большинство. Мне удобнее по-другому, понимаешь? Я не хочу оправдываться за свое поведение и поступки, которые считаю правильными и наиболее уместными при тех или иных обстоятельствах.

– Никто тебя не обличает, ты чего завелась? Ванюшей меня обозвала.

– А не надо ярлыки на меня вешать.

– На тебя повесишь, как же, – Джек усмехнулся. – Без зубов останешься.

Лиза помягчала:

– Не преувеличивай. Я женщина хрупкая. По поводу зубов это к Максиму или Глебу. Они любят кулаками махать и стоматологам работу подкидывать. Кстати, по поводу Глеба. Не нравится он мне в последнее время.

– Я заметил. Чего ты взъелась на него в ресторане? Он на нервах, за брата переживает, ты же знаешь. Ну, отреагировал глупо. Но извинился же.

– Ой, какой ты всепонимающий, прямо Иисусик.

– Оскорбление за оскорблением, я этого не вынесу, – Джек рассмеялся.

– Мне серьезно кажется, что Глеб хочет прыгнуть.

– Хотеть и сделать – понятия разные. Он парень темпераментный и беспокойный, подверженный частой смене настроений. Всегда сомневается, натура у него такая. Но подставить друзей вряд ли способен. Ты ж его не первый год знаешь.

Лиза громко вздохнула:

– Наверное, ты прав. Ладно, вернемся к третьему этажу.

– Второго будет достаточно.

– Как же вы меня все задолбали!

– Спокойнее, Елизавета, – примирительно сказал Джек. – Завтра подтягивайтесь ко мне домой после работы. Обмозгуем, где нам взять второй этаж.

– Третий, – поправила она. – Ты сам понимаешь, что так надежнее.

* * *

Галя окинула комнату придирчивым взглядом и осталась довольна. Сегодня на работе выходной, поэтому она с утра занялась домашними хлопотами. Постирала, убралась в квартире, помыла окна. Теперь можно и отдохнуть. До вечера времени много – она успеет и с подружкой встретиться, и на маникюр заскочить. Глеб предупредил, что вернется поздно. Опять аврал в конторе. Может, из-за этого муж такой озабоченный и сам не свой? Галя куснула ноготь, но тут же отдернула руку. Дурная привычка. Не первый раз у мужа приступы озлобленности и плохого настроения. Пройдет. Главное, не показывать свое беспокойство. А то он станет еще агрессивнее. Когда сам успокоится, нужно будет постараться вызвать его на разговор по душам.

Галя посмотрела на часы. Пора собираться. Договорились пересечься с подругой у торгового центра в половине четвертого. Вообще-то Оксану назвать подругой с большой буквы нельзя, скорее она хорошая приятельница. С ней легко общаться и иногда интересно скоротать вечерок, болтая о всякой чепухе. Но чтобы поделиться сокровенным, попросить совета в важном деле – это исключено. Настолько близких друзей у Гали никогда не было. Печально, конечно. Но как-то так само вышло.

Она всегда мечтала иметь настоящую компанию. Так здорово, когда у друзей общее прошлое, похожие интересы и предельная откровенность друг перед другом. И нет никаких недомолвок, нет необходимости притворяться или лгать. А еще всегда можно рассчитывать на их помощь. В юности Галя с завистью смотрела на мальчишек, которые собирались вечерами во дворе, оккупировали лавку и брэнчали на гитаре. С ними непременно сидели какие-то девчонки, громко смеялись и выглядели такими счастливыми. Как она хотела быть на их месте... Эта маленькая группа казалась ей отдельным обособленным государством, куда чужаку вход заказан.

И ведь нельзя сказать, что Галя была некоммуникабельной. Она прекрасно ладилась с людьми и умела находить с ними общий язык. Недостатка в знакомых у нее никогда не было. Но почему-то общение не перерастало в нечто большее, хотя бы приблизительно напоминающее дружбу. Может, она сама держала дистанцию, подсознательно боясь впускать в свою жизнь новых людей. А может, эти люди опасались сближаться с чрезмерно правильной, безупречно порядочной девицей. Что ни говори, а дружба питается недостатками, а не достоинствами. Сложно держаться за человека, к которому нет претензий.

Галя вздохнула. Странно, что большинство окружающих видело в ней образец для подражания. Сама себя она считала скучной особой. До сих пор непонятно, чем она привлекла Глеба. Да, симпатичная, и фигура неплохая. Но ведь таких тысячи. Глеб мог выбрать поярче и поинтереснее. Например, эту, как ее... Лизу.

Давнюю подругу мужа Галя видела всего пару раз, да и то мельком. Почему-то Глеб избегал вводить жену в круг своих друзей. Сначала это ее обижало. Она надеялась, что теперь у нее появится шанс влиться в компанию, о которой всегда мечтала. Но муж настойчиво уверял, что семья и друзья лежат в разных плоскостях, и не обязательно их пересекать. Приводил странные доводы, мол, он сам редко видится с товарищами, да и не того типа они люди, с которыми Гале будет интересно. Словом, сыпал сомнительные отговорки. Сперва Галя подозревала, что муж ее стыдится. На ее предположение любимый мужчина так искренне рассмеялся, что она вынуждена была признать свое заблуждение. Здесь нечто иное. А если он, наоборот, стыдится собственных друзей?

Как Галя ни старалась, выяснить причины не смогла. В конечном итоге каждый имеет право на свои маленькие секреты и капризы. Если Глебу так удобнее, то она не станет донимать его расспросами. Замуж выходила за него, а не за его товарищей.

С Лизой Галя познакомилась на собственной свадьбе. Невеста была слишком взволнована, чтобы разглядеть и запомнить всех гостей, но эту женщину заметила сразу. Слишком та выделялась. В общем-то, ничего особенного: худая, угловатая даже, черты лица резкие, хоть и привлекательные. Канонической красавицей ее не назовешь. Но взгляд цепляется.

Галя долго думала, с чем бы сравнить ощущения, возникавшие каждый раз, когда она встречалась с ней глазами. Иногда скользишь рукой по гладкой ткани, и вдруг осязаешь дефект, шероховатость, которой не должно быть. Снова проводишь пальцем – и вроде нет брака, показалось, значит. Расслабляешься, ласково гладишь струящуюся материю, но опять чувствуешь тот самый раздражитель. Был в Лизинем взгляде какой-то дефект. Что-то неуловимо тревожащее.

– Ты с ней спал? – однажды спросила Галя.

Глеб долго молчал, прежде чем ответить:

– Да. Очень давно, по глупости. Один раз. Больше этого не повторялось.

– А ты хотел, чтобы повторилось?

– Нет, – муж притянул ее к себе и прошептал в ухо: – Когда появилась ты, для меня перестали существовать другие женщины. Запомни это.

Галя запомнила.

День выдался теплым и солнечным. До торгового центра шла пешком. Настроение было приподнятое, интуиция подсказывала: вот-вот произойдет что-то замечательное. Замедлила шаг, залюбовавшись симпатичным белобрысым малышом, игравшим на детской площадке. Счастливая мамаша расположилась на скамейке неподалеку и с умилением наблюдала за любимым чадом. Галя мечтательно улыбнулась: может, и она сама вскоре зачастит на детскую площадку. Со своей доченькой. Или сыночком. Они с Глебом давно пытались зачать ребенка, но пока не получалось. Она не сильно переживала по этому поводу. Чувствовала: это случится очень-очень скоро.

– Мы здесь, – Оксана махнула рукой, показывая, с какой стороны заходить в открытое летнее кафе.

– Я не опоздала? – Галя поцеловала подругу в щеку и уселась за столик.

– Ты, как всегда, секунда в секунду, – Оксана сделала знак официанту. – Что-нибудь будешь? Мы с Иркой заказали салатики и капучино.

– Ты сестру взяла? А где же она?

– В туалет побежала. Ты знаешь, у нее четвертый месяц пошел. Представляешь, зараза какая, скрывала столько времени!

– Она забеременела? – у Гали перехватило дыхание. Ведь это знак! Минуту назад она размышляла о зачатии, и вдруг такая новость! Словно небо намекало, что ее желание одобрено и скоро осуществится.

– Обо мне сплетничают? Ксюха уже все разболтала? – Ирина нарочито нахмурила брови и плюхнулась в кресло.

– Самую малость, – Галя улыбнулась. В последний раз она видела Оксанину сестру полгода назад. С момента последней встречи та заметно похорошела, – буквально светилась вся. Беременность пошла ей на пользу.

– Кто отец, ты мне так и не призналась, – Оксана ущипнула сестру за плечо.

– Ай! – притворно вскрикнула та. – Думаешь, пытки развяжут мне язык?

– Не узнаю, пока не попробую.

Ирина перестала улыбаться:

– Seriously, девчонки, давайте не будем поднимать эту тему. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Ни опеки, ни его алиментов мне не нужно. Я сглупила, когда закрутила с ним роман. Кто ж знал, что он такой извращенец и козел, да еще женатый. Пусть живет спокойно. Проклинать я его не буду, все-таки одно доброе деяние он совершил, – она погладила себя по животу. – Вот такие пироги.

«Какая смелая», – подумала Галя. Сама она ни за что бы не решилась рожать в одиночестве. К счастью, муж у нее есть, да какой замечательный. И вдвоем они воспитают чудесных деток. Она представила, как сегодня ночью займется с Глебом любовью, и не сдержала улыбки. У него такие сильные руки... Когда он обнимает ее и крепко прижимает к себе, время замедляется и реальный мир перестает существовать.

– Ты чего улыбаешься, точно блаженная? – спросила Оксана.

Галя смутилась, пробормотала что-то невнятное и предложила пройтись по магазинам. Встречей с приятельницами она осталась довольна. Совместила приятное с полезным – и пообщалась, и маникюр обновила, и мужу рубашку купила. Он предпочитает неформальный стиль, но строгий классический так идет ему! Пусть хотя бы примерит обновку. Она полюбуется.

Перед тем как отправиться по домам, решили выпить кофе, но Ирина отказалась.

– У меня в восемь встреча с риелтором. Я решила снять другую квартиру. Не хочу, чтобы этот козел когда-нибудь появился ко мне. Адрес-то он знает.

Галя понимающе кивнула:

– Какую квартиру предлагают? В каком районе?

– Место на самом деле не очень, зато цена привлекательная. А я теперь не в том положении, чтобы сорить деньгами, – Ирина поцеловала сестру, затем приятельницу и направилась к метро.

Ехать пришлось к черту на кулички, но выбирать не приходится. За неделю это было первое предложение за приемлемые деньги. Риелтор позвонила утром, описала квартиру, назвала адрес. Сказала, что сегодня можно посмотреть.

От станции метро Ира ехала на автобусе, а потом еще пятнадцать минут шла пешком. Уже стемнело, прохожих почти не было. Ирина невольно поежилась: если снимет здесь квартиру, придется покупать электрошокер или газовый баллончик. Мрачноватый район.

Дом она нашла не сразу, потом долго возилась с дверью подъезда. Наконец домофон сработал, и риелтор приветливо сообщила:

– Поднимайтесь на пятый этаж, квартира сто пятьдесят один. Лифта нет, так что пешочком.

В подъезде было хоть глаз выколи. Похоже, местные не спешили заменять перегоревшие лампочки. Ну и дыра. По лестнице поднималась на ощупь, проклиная неудобные босоножки. Зачем она надела шпильки? Дура. Давно уже пора переходить на удобную обувь. Девушка не успела закончить мысль, – мимо промелькнула какая-то тень и резко толкнула ее назад. Ирина

вцепилась в перила, едва не подвернув ногу, и чудом не свалилась с лестницы. Шаги негодяя затихли где-то внизу. Он так торопился, что не счел нужным извиниться.

Перевела дыхание, заставила себя успокоиться и позвонила в квартиру. Дверь открыла черноволосая женщина в дорогом брючном костюме. Выглядела она слегка удивленной, будто не ожидала, что клиентка доберется до места назначения.

– Ну и домик, – выдохнула Ирина, проходя в прихожую. – В подъезде темень, какие-то придурки бегают, чуть меня с ног не сбили.

– Может, вам водички? – предложила риелтор.

– Буду очень признательна.

Женщина ушла на кухню, а Ирина огляделась. Квартира была не ахти. Ремонта уже сто лет не делали, обои старые, мебель бабушкина, запах затхлый. Нет. Наверное, не стоит так издеваться над собой. Жить в подобном месте – себя не уважать. А каково ребенку будет?

– Спасибо, – Ирина залпом выпила воду и вернула стакан риелтору. – Вы меня простите, но это убожество мне не подходит. Буду рада, если вы подыщите мне другой вариант. Менее отвратительный.

Риелтор приподняла изломанную бровь:

– Хорошо. Вы позволите, я сделаю звонок? После чего уточним ваши принципиальные требования.

Она вышла в другую комнату и плотно прикрыла дверь. Разговаривала минут пять, не меньше. Должно быть, убеждала нового клиента, что «квартирка уютная, а хозяева – золото». Да уж. Вряд ли найдутся желающие прописаться в этом гадюшнике.

На улицу Ирина практически выбежала, громко хлопнув массивной подъездной дверью. Бодро зашагала по дороге, мечтая поскорее очутиться дома. В нормальной чистой квартире со всеми удобствами. Она сворачивала на улицу, ведущую к автобусной остановке, когда услышала за спиной звук приближающегося автомобиля. Оглянулась, но увидела лишь слепящий свет. А затем ее отбросило в сторону.

* * *

Вода была почти ледяная, словно стояло не начало осени, а середина зимы. Вряд ли сейчас кто-то рискнул бы помочить ноги в водах местной реки, не говоря о том, чтобы поплавать. Глеб не чувствовал холода. Он то погружал голову под воду, то выныривал, делая вдох и остервенело выбрасывая руки вперед. Стилем баттерфляй Глеб владел на приличном уровне, – в юности несколько лет отзанимался в секции плавания. Обычно он предпочитал брасс или кроль, но сегодня подсознательно выбрал самый энергозатратный и трудный стиль плавания. Нужно было выплеснуть злость, вымотать себя до истощения, чтобы не осталось сил на мучительную рефлекссию.

Все должно было выглядеть как несчастный случай. Но подстроить падение, случайная природа которого не вызовет сомнений, – задача сложная. Время поджимало. Поэтому от плана с третьим этажом они отказались. Новую идею подкинул Макс. Он выяснил, что девица подыскивает жилье и разместила в Интернете несколько объявлений со своим телефоном. Такой удачей было грех не воспользоваться.

Лиза нашла подходящую квартиру и позвонила бывшей пассии Макса под видом агента по недвижимости. Планировалось, что девица придет на осмотр, и в тот момент, когда будет подниматься по лестнице, Джек столкнет ее вниз. Неожиданностей не предвиделось. Все заранее подготовили. Лампочки в подъезде поразбивали, Джек поджидал наверху, а Глеб – неподалеку от дома на случай появления нежелательных свидетелей. Макс находился в ресторане с женой – работал на алиби. Кто же знал, что жертва окажется такой ловкой?

Лиза позвонила вскоре после того, как девица зашла в подъезд.

– Джек облажался. Нужно срочно что-то придумать. Ты на машине?

– Да.

– Слушай. Через десять минут она спустится вниз и пойдет к остановке. На улице все равно ни души. Сбей ее и быстро уезжай. А я выйду из квартиры через пару минут, увижу «несчастную» и вызову «Скорую», чтобы она копыта не отбросила.

Глеб молчал. Такого поворота он не ожидал. Одно дело участвовать в преступлении опосредованно, перекладывая ответственность на других, и совсем другое – собственноручно вредить ни в чем не повинной женщине. Черт!

– Глеб? Ты здесь? – нетерпеливо окликнула Лиза. – Ты меня слушаешь или в себя ушел?

– Слушаю!

– Ты справишься?

– Да!

– Уверен? Максимум не нужны подставы.

– Я все сделаю! – он замахнулся и запустил мобильный в стену здания. Затем зачерпнул грязи в ближайшей луже и замазал номера своего автомобиля. После вернулся, подобрал с асфальта то, что осталось от телефона, и сунул в карман. Незачем оставлять улики...

Кислорода не хватало, от напряжения мышцы свело судорогой. Глеб понял, что, если не прекратит издевательский заплыв – попросту утонет. Развернулся и медленно поплыл к берегу.

Он должен был поступить так, как поступил. И дело даже не в этом ублюдочном правиле круга. Глеб помог бы Максимуму в любом случае, потому что был ему обязан. С долгами надо рассчитываться, как бы дурно расплата ни пахла. А с муками совести он постарается сладить. Жизнь брата перевешивает любой дискомфорт. Нужно об этом помнить.

Когда он вылез из воды, заклацал зубами. Пронизывающий ветер кусал мокрое тело. Глеб поскользнулся на илистом берегу, упал, выругался, снова поскользнулся. Выбрался на травянистый склон, где оставил одежду. Натянул брюки и футболку. В машине включил обогреватель на максимум – никак не получалось согреться. Долго собирался с силами, чтобы повернуть ключ зажигания. Двадцатиминутный путь домой показался ему изматывающим, растянувшимся на долгие годы путешествием. Припарковался на стоянке, на автомате поднялся в квартиру.

– Где ты был? Уже так поздно, я тебе звонила, а твой телефон отключен, – Галя запнулась. Муж едва стоял на ногах, лицо бледное, взгляд отсутствующий. – Что случилось?

Кинулась к Глебу, чтобы помочь ему добраться до комнаты, но тот отрицательно мотнул головой и, шатаясь, побрел в ванную. Галя последовала за ним.

Глеб стянул с себя грязную одежду. Включил горячий душ, уселся в ванне, обняв колени и уронив на них голову. Несколько минут Галя молча наблюдала за мужем, затем в замешательстве приблизилась. Протянула руку, чтобы погладить его по спине, но тут же отдернула, ошпарившись обжигающими струями.

– Ты с ума сошел? Свариться хочешь? – она открыла вентиль с холодной водой. – Да что с тобой такое? Что произошло, родной?

– Пойдем спать, – Глеб поднялся на нетвердые ноги.

– Но...

– Завтра. Поговорим завтра.

Он долго лежал с закрытыми глазами, притворяясь, что заснул. Видеть беспокойный взгляд жены было невыносимо. Он понимал ее тревогу, но в этот момент был не способен на утешения. Черт, поскорее бы отключиться. Глеб заставлял себя расслабиться, пытался представлять пустоту, тугую и обволакивающую, но сон никак не приходил. Зато пришли воспоминания.

После суда по делу о наезде на пешехода Глеб не сдержался, отправился в больницу. В палате, где лежал сбитый Джеком паренек, яблоку негде было упасть. Дополнительные койки

стояли чуть ли не перед дверью. Как можно выздоравливать в подобных условиях – одному богу известно. Стулья из палаты убрали, чтобы освободить лишнее пространство, поэтому Глеб присел на корточки у кровати. Тощий паренек на гостя посмотрел без интереса. Голова у него была перебинтована, часть повязки закрывала один глаз. Рука и нога загипсованы, а верхняя часть груди стянута эластичными бинтами.

– Это ты, – тихо произнес пациент.

– Я. Как ты догадался? – Глеб сглотнул от волнения. Он ожидал увидеть кого угодно, готовился к какой угодно реакции. Но этот беспомощный парень с хрупким, как у подростка, телосложением и тусклым взглядом заставил его содрогнуться.

– Больше никому.

– У тебя что, родных нет или друзей?

– Нет.

– Сочувствую.

– Спасибо, – в интонации парня не звучало и намека на иронию. Он благодарил искренне.

Глеб почувствовал комок в горле. Час от часу не легче. Почему обычно страдают и без того обиженные судьбой люди? Это что, закон притяжения? Несчастья привлекают несчастья, а радость множит радость?

– Ты чем занимаешься по жизни?

– Разным. В основном ищу работу. Здоровье не очень, нигде не задерживаюсь, увольняюсь. Болею часто, – его тонкие губы растянулись в жалком подобии улыбки.

Глеб торчал в больнице до вечера. На следующий день опять пришел, принес продуктов, договорился о переводе парня в палату покомфортнее, дал денег медсестрам, чтобы лучше за ним приглядывали. Хотелось сделать для Егора что-то большее, чем формальная оплата лечения. Посоветовался с Джеком, но тот настоятельно рекомендовал не частить в больницу, чтобы не вызывать подозрений. Ведь пострадавший сам виноват. Именно пешеход решил покончить с собой, бросившись под колеса, они это блестяще доказали в суде. Странно, если ни в чем не виноватый водитель будет навещать суицидника и демонстрировать сочувствие. Все правильно. Джек всегда отличался рационализмом. Но Глеб не мог бросить пацана.

Егор пролежал в больнице больше трех месяцев. К моменту его выписки Глеб подыскал ему нормальную работу, договорился с одним знакомым. Но Егор предложение отверг:

– Ты пойми меня правильно. Я не строю из себя гордого. Просто хватит уже возиться со мной. Это все равно не изменит прошлого, и тебе придется с ним жить. Если тебе так важно мое прощение, то я тебя простил. Благотворительности больше не нужно.

Егор поднялся с кровати, взял легкий пакет с вещами и заковылял к выходу. Врачи сказали, что хромота вряд ли исчезнет, придется привыкать к трости.

Это было невыносимо. Глеб встал с кровати, накинул рубашку и, захватив сигареты, вышел на балкон. Он осуждал Джека. Считал его поступок трусливым. Но самым мерзким было даже не его малодушие, а полное безразличие к судьбе жертвы. Желание оградить себя от проблем еще можно понять. Но отсутствие сострадания в друге неприятно удивляло. До аварии Глеб был о Ваньке Кравцове лучшего мнения. Думал, что сам-то никогда не поступит таким образом. И вот, пожалуйста. Сегодня преднамеренно сбил беременную женщину и теперь гасит любые мысли о ней. Даже Лизе не позвонил, не спросил, приехала ли «Скорая», как состояние пострадавшей. Ничтожество...

Затушил сигарету, достал вторую. Небо начинало светлеть. Стоял тот самый предрассветный час, когда была тишина, плотная и осязаемая, почти звенящая. Казалось – тронешь воздух, и он запоем, как натянутая струна.

«Самое время для песен», – осек себя Глеб. Хотелось перевернуть что-нибудь тяжелое, разбить вдребезги на сотни осколков. Он обернулся и посмотрел в окно. Галя спала, свернувшись калачиком. Да, это будет очень по-мужски, разбудить ее грохотом. Чертов эгоист. Он

вернулся в комнату, тихо лег на кровать и аккуратно подтянул жену к себе. Она была теплой и пахла миндалем и сливками. Уткнулся носом в ее затылок и сомкнул веки.

Заснуть не удалось. Так и провалялся до утра.

Галя проснулась с намерением докопаться до правды. Молча приготовила завтрак, накормила мужа, а затем строго спросила:

– Объяснишь мне, что вчера стряслось?

Глеб вздохнул. Объясняться совершенно не хотелось. Он чувствовал себя разбитым, от бессонной ночи болела голова, пальцы подрагивали.

– Зачем ты так поступаешь?

– Как? – Он устало посмотрел на жену.

– Игнорируешь меня. Ведешь себя так, словно я домашнее животное. Когда есть настроение – гладишь и играешься, когда нет – не замечаешь. Только корм в миску подкидываешь, чтоб не сдохла.

– Да о чем ты? Какое животное? Какой корм?

– Я не чужая тебе. И, наверное, заслужила доверие.

– Вчера ничего не стряслось. Просто я подрался в баре. А телефон потерял, поэтому не отвечал. Это ясно?

Галя недоверчиво хмыкнула:

– А сразу нельзя было признаться? Я привычна к твоим выходкам, вряд ли бы сильно удивилась.

Глеба начал всерьез доставать этот разговор.

– У тебя ПМС?

– Нет. У тебя, – Галя демонстративно развернулась, подняла с пола грязные брюки мужа и направилась к стиральной машине. Через минуту вернулась в кухню, держа в руках разбитый мобильный.

– Ты же сказал, что потерял его.

– С каких пор ты стала лазить по моим карманам? – Глеб почувствовал, что закипает. В голове и без того сумбур, а жена провоцирует его на ссору. Иногда ее прорывает, и она отказывается вовремя затормозить.

– Я собиралась стирать брюки.

– Вот и стирай!

Жена положила испорченный телефон на стол.

– Зачем ты мне лжешь в таких мелочах? Чтобы скрыть большую ложь?

– Да заткнешься ты или нет? – Глеб вскочил со стула, толкнул стол, перевернув его со всем содержимым. Вылетел из кухни, хлопнув дверью с такой силой, что упала висевшая на стене фотография. Галя испуганно отскочила в сторону и замерла, закрыв рот ладонью. Что она такого сказала? Почему он позволяет себе реагировать подобным образом? Окинула взглядом кухню: стол сломан, стулья перевернуты, на полу валяется разбитая посуда, повсюду осколки. Убираться час, не меньше. Но самое обидное – Глеб разбил ее любимую фарфоровую кошечку. Маленький белый шарик с ушками, расписанный вручную ставропольским мастером.

Галя купила этот сувенир лет десять назад, когда была проездом в южном городе. Она гуляла по вечернему Ставрополю, заглядывала в сувенирные лавки, с удовольствием рассматривая симпатичные изделия ремесленников. Но покупать ничего не покупала – денег было в обрез, и тратить их на приятные, но бессмысленные предметы – непростительная глупость. В одном крошечном магазинчике увидела изумительную кошку из матового, не покрытого глазурью фарфора. Она была невероятно милой, с золотой рыбкой на выпуклом пузике. Галя любовалась ею полчаса, но так и не отважилась потратить последние деньги. Стоил сувенир дорого. Вышла из магазина в расстроенных чувствах. Гулять больше не хотелось. Брела по пустующим улицам и вспоминала чудесный белый комочек. Чувство потери было так велико,

что она едва не расплакалась. Почти у самой гостиницы развернулась и побежала обратно со всех ног... Той ночью засыпала счастливая – на тумбочке возле кровати улыбалась ее кошечка.

А теперь ее больше нет. Галя села на пол, сгребла осколки в кучу и разревелась.

Глеб подошел тихо. Опустился рядом на колени, обнял плачущую жену:

– Родная, прости меня, прости, пожалуйста. Я повел себя, как урод.

Галя попробовала вырваться из его объятий, но он лишь крепче прижал ее к себе.

– Прости меня. Я люблю тебя. Я не имел права так себя вести.

– Ты разбил кошку! – всхлипнула она.

– Я найду тебе новую, – виновато прошептал Глеб. – Только не плачь, прошу.

– Я не хочу новую! Я хочу эту! – Галя резко отстранилась, указала пальцем на осколки.

Снова уткнулась носом в плечо мужа и расплакалась пуще прежнего. Конечно, дело не только в сувенире. Галя чувствовала, что Глеб отдаляется от нее. Что-то угнетает его, но он отказывается делиться с ней своими проблемами. С каждым днем он становится все более чужим. И она не может этого изменить. Цепляется за него изо всех сил, но делает только хуже, раздражая мужа своей навязчивостью. А как бездействовать, когда семья трещит по швам? Вероятно, Глеб встретил другую женщину и боится в этом признаться. Все-таки он испытывает к ней, Гале, нежные чувства и не хочет ее ранить.

Она подняла заплаканное лицо:

– Скажи, между нами все кончено?

Глеб нахмурил брови:

– Это вопрос или утверждение? Хотя без разницы. Запомни: между нами ничего не кончено, и никогда не будет кончено. Я не уйду и тебя не отпущу. Тебе трудно со мной, я в последнее время взвинченный. Но я исправлюсь. Обещаю. Период непростой, но он закончится.

– Я так надеялась вчера на романтический вечер...

Глеб смотрел в ее родные покрасневшие глаза и почти физически ощущал острую щемящую нежность. Было так стыдно за свою выходку, что хотелось причинить себе боль. Кретин. Сосредоточился на своих переживаниях и не заметил, что заставляет страдать любимую женщину. Бедная. Извелась совсем.

Он подхватил ее на руки и направился в спальню, виртуозно обогнув препятствия. Положил драгоценную ношу на кровать и принялся целовать ее мокрые щеки, губы, глаза...

Сейчас

Госпожа Велецкая сидела в кресле, подперев голову рукой, и без интереса наблюдала, как горничная Саша домывает полы в гостиной. Саша появлялась два раза в неделю – за три дня успевало накопиться достаточно пыли. Но сейчас дети уехали, муж допоздна торчал на работе и порой, чтобы сэкономить время, ночевал в городской квартире. Так что порядок в доме никто не нарушал, сорить было некому. Надо сказать горничной, чтобы приходила раз в неделю. Этого хватит.

Велецкая никогда не отличалась жизнерадостным характером, но пока дети были рядом, старалась поддерживать реноме заботливой активной матери. Конечно, нынешнее поколение куда умнее предыдущего, их не обманешь натянутой улыбкой, они живо чувствуют фальшь. Впрочем, меланхолия матери их давно не беспокоила – они привыкли и уже не обращали на это никакого внимания. Большой близости между матерью и детьми никогда не было. Подсознательно она обрадовалась решению мужа отправить сына и дочь учиться в Лондон под опекой родного дяди. Так для них будет лучше во всех отношениях. Европейское образование, новые эмоции, интересное общение, до которого так жадна юность. Дочь звонила каждый день и взахлеб рассказывала, как сильно отличается английская школа от российской. Дети совсем не скучали. И она тоже.

Велецкая посмотрела в окно. Ночью выпал снег и теперь сверкал под полуденным солнцем. Должно быть, на улице свежо. Она закрыла глаза и откинулась в кресле. Она знала, что Саша то и дело поглядывает на нее и укоризненно качает головой, не понимая, как хозяйка, молодая и красивая, может быть столь апатичной и ленивой. Пусть осуждает. Велецкая привыкла не замечать взгляды негодующих критиков. Ей было все равно. Она плыла по течению и совершенно не интересовалась, где в конечном итоге окажется. Она и замуж-то вышла потому, что так сложились обстоятельства. Сергей был вдвое старше ее. К своим сорока годам он управлял собственным бизнесом и в финансовом плане чувствовал себя очень свободно. Оставалось устроить личную жизнь. Он выбрал юную очаровательную девочку, удивительно тихую и спокойную. Долго присматривался к ней, ухаживал и, наконец, сделал предложение. Девочка согласилась. Уже тогда ей было абсолютно безразлично ее будущее. Но ей ничего не стоило осчастливить хорошего человека.

Сергей испытывал к жене настоящую страсть. Все друзья и знакомые удивлялись, как могут уживаться двое настолько разных людей. Сергей был стремителен и амбициозен. Его избранница представляла собой полную противоположность. Некоторым даже казалось, что она не просто безвольна и молчалива, но с явным отклонением в умственном развитии. Эти домыслы не соответствовали действительности. Госпожа Велецкая была хорошо образованна и при необходимости блестяще поддерживала любую беседу. Дело в том, что такая необходимость возникала нечасто, поэтому она с удовольствием эксплуатировала роль стороннего наблюдателя.

Они женаты уже четырнадцать лет. К счастью, в последние годы романтический пыл у мужа поулегся. Она вздохнула с облегчением. Ей не нравилось, когда кто-то зависел от нее. Такая ответственность слишком утомительна.

Солнечный луч навязчиво гладил лицо. Велецкая неохотно открыла глаза. Саша закончила уборку и ушла, решив не беспокоить дремавшую хозяйку. Улица за окном все так же белела нетронутым снегом. Обычно снегоуборочные машины проезжают ранним утром, дабы обеспечить жителям поселка своевременный и беспроblemный выезд в город. Но сегодня, похоже, задержались. Есть своя прелесть в частном доме на отшибе – соседей мало, да и те круглосуточно на работе. Никто не рвется в гости, никто не навязывается с разговорами. Разве что иногда в выходные. Но два беспокойных дня в неделю против пяти идеальных – хорошее

соотношение. Велецкая встала, чтобы задернуть занавеску, но что-то привлекло ее внимание. Вернее, кто-то.

В начале улицы возле выставленного на продажу коттеджа стоял молодой мужчина. Ничего необычного в этом не было, если бы не загадочное поведение незнакомца. Он озирался по сторонам, как будто не понимал, где и как очутился. Одет был не по сезону и, верно, продрог в тонкой джинсовой куртке. Он долго колебался, прежде чем решился двинуться с места. Мужчина явно пребывал в замешательстве. Несмело вышагивал по рыхлому снегу, то и дело останавливаясь. Его беспомощная фигура никак не сочеталась с окружающей обстановкой. Эти дорогие коттеджи и высокие заборы с камерами слежения предполагали совсем иных обитателей – самоуверенных, довольных собой. Велецкая неожиданно разволновалась. Бросилась в прихожую, накинула шубу и выбежала на улицу.

– Постойте!

Джек оглянулся. Какая-то женщина приближалась к нему торопливой походкой. Он остановился.

– Здравствуйте, – запыхавшись, сказала она.

– Здравствуйте.

– Я увидела вас и подумала, что вам нужна помощь. Простите, если неверно истолковала ваше поведение.

– Все верно, – мужчина развел руками. – Мне действительно нужна помощь.

– Откуда вы? Вы здесь живете? Или заблудились?

– Не знаю.

Велецкая пристально посмотрела на него:

– Не знаете что?

– Боюсь, что ничего, – тонкие губы дрогнули в слабой улыбке.

– Мне кажется, вы замерзли. Пойдемте в дом, и там вы расскажете мне о своей проблеме, – она взяла его за руку и потянула в сторону красивого трехэтажного особняка.

Едва зашли в дом, хозяйка налила виски в пузатый стакан и протянула гостю:

– Выпейте. Вам нужно согреться, не то вы заболаете.

Джек подчинился и залпом осушил стакан. Крепкий напиток обжег горло, и в ту же секунду по телу прокатилась приятная теплая волна.

– Садитесь же, – предложила хозяйка, указав на кресло возле камина. – Давайте познакомимся. Как вас зовут?

– Джек.

– Джек? – удивилась собеседница.

– Кирилл.

– Кирилл? – удивилась она еще сильнее. – Как же все-таки?

– Вы простите, это действительно звучит глупо, – мужчина сглотнул застрявший в горле комок. – Мне кажется, что мое имя Джек. Хотя по паспорту получается Кирилл. Я просто не помню. Ничего. Понимаете? Я проснулся в пустом доме, рядом валялись документы и кредитная карточка... Я понятия не имею, кто я такой.

– Вы хотите сказать, что у вас амнезия?

– Другого объяснения я не нахожу.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – Ольга ободряюще пожала его предплечье. – Мы во всем разберемся. Для начала давайте решим, как мы будем обращаться друг к другу.

– Наверное, надо доверять официальной бумаге. Зовите меня Кирилл. Так будет правильнее.

– А вы зовите меня Ольгой. Фамилия моя Велецкая. Будем знакомы. Итак, Кирилл, хоть что-нибудь вы помните?

В доме Ольги Велецкой было тепло и уютно. Кто-то посчитал бы сдержанный минималистский дизайн не подходящим для семейного гнездышка, но после ночи в пустом коттедже обжитое помещение показалось Кириллу верхом комфорта. Хозяйка наскоро приготовила обед. И только учуяв аппетитный запах, он понял, как сильно проголодался. Съел свою порцию и от добавки не отказался. Насытившись, расслабился и удобнее устроился в кресле, вытянув ноги к растопленному камину.

Ольга сидела рядом на диване и говорила о том, какие шаги нужно предпринять. Он слушал и незаметно разглядывал новую знакомую. Ей было чуть за тридцать, хотя выглядела она гораздо моложе. Ни одной морщинки на правильном лице. «Должно быть, у нее скупая мимика», – подумал Кирилл. Русые волосы были собраны в низкий хвост, открывая красивую шею. Интересно, какой тип женщин нравился ему раньше?

– Сейчас мы поедem в банк. Нужно выяснить, есть ли у вас средства на счету.

– Хорошо. Вы объясните мне дорогу?

– Я вас сама довезу, – Ольга порывисто встала и направилась к шкафу. Вернулась с мужской курткой. – Вот, наденьте. Это моего мужа. Размер великоват, зато не замерзнете.

– Мне неловко. Я не хотел утруждать вас.

– Бросьте. Я ведь сама предложила помощь. Одевайтесь же! – Ольга взяла со стола ключи от машины. – Дорогу уже расчистили, в райцентр доедем быстро. Паспорт у вас с собой?

Для первого дня впечатлений было слишком много. Голова кружилась, поднялась температура. Кирилла знобило. Он лег на тугой матрас и накрылся одеялом. Ольга не могла допустить, чтобы сосед ночевал на голом полу, и вручила ему постельные принадлежности и ряд необходимых мелочей.

Поездка в банк ситуацию не прояснила, лишь добавила вопросов. На карточке Кирилла оказалось тридцать тысяч долларов. Сумма приличная. Он снял несколько сотен – купить одежду и продукты. Не злоупотреблять же добротой новой знакомой. Поход в магазин решил отложить на завтра. Уже вечерело, да и чувствовал он себя не лучшим образом. Наверное, простыл. Ольга дала таблетки и велела хорошо выспаться.

Кирилл бы с удовольствием задремал, но внезапно нахлынувший страх не давал ему покоя. А что, если, проснувшись, он ничего не вспомнит о минувшем дне? Что, если каждую ночь его мозг блокирует свежие впечатления, возвращая к нулевой отметке? Что, если ему суждено каждый день начинать жизнь с пустого листа? И завтра он не вспомнит ни сердобольную Ольгу, ни поездку в банк, ни животный ужас, охвативший его сейчас. Нужно как-то справляться. Иначе к амнезии добавится шизофрения. А с таким багажом далеко не уедешь.

Перевернулся на бок лицом к стене. Размышлять о будущем бессмысленно. Всего, что случится, не предугадаешь. Даже если завтра он утратит и те немногие воспоминания, что успел накопить, переживания на эту тему ничего не изменят. В конечном итоге прошлое и будущее – не существующие тени настоящего. Единственная ценность – этот самый миг. На нем и стоит сосредоточиться.

Кирилл напрягся. Ему отчетливо показалось, что по дому кто-то ходит. Очень хотелось оглянуться, а еще лучше – вскочить и зажечь свет. Но он заставил себя лежать смирно, не потакать расстроенному воображению. Дом пустой, спрятаться здесь негде. Входная дверь закрыта. Не привидение же это, в самом-то деле.

Черт. Кто-то определенно находился в комнате. Стоял в паре метров и внимательно смотрел на него. Кирилл спиной чувствовал взгляд. Ему даже послышался тихий горестный вздох. Словно кто-то не справился с переполнявшими его эмоциями, но в последнюю секунду закрыл рот ладонью, чтобы не разбудить спящего.

Кирилл резко обернулся. Комната была пуста. Свет уличных фонарей проецировал тусклый квадрат на темный пол. Ни тени, ни шороха за окном. Ночь была тиха и неподвижна.

В дверь настойчиво постучали. Кирилл сел, протирая глаза. Солнечный свет заполнил все пространство комнаты, отчего та визуальнo увеличилась в размерах. Он натянул брюки и зашлепал босиком в прихожую.

– Доброе утро, сосед, – Ольга стояла на пороге, постукивая ногой о ногу. – Такой мороз с утра!

– Доброе утро, – Кирилл улыбнулся. Он не забыл! Он прекрасно помнит вчерашний день.

Велецкая прошла в дом, по-хозяйски осмотрелась. Присесть было негде, поэтому она оперлась о подоконник:

– У меня хорошие новости.

Кирилл заинтересованно поглядел на гостью. Она продолжила:

– Я сегодня ездила в районное бюро технической информации, у меня там знакомая работает. Подарила ей дорогое вино, ее любимое. Выяснила, кому принадлежит этот дом.

Повисла пауза. Он не выдержал первым:

– И кому же?

– Смирнову Кириллу Андреевичу.

– То есть мне.

– Получается так. Покупка оформлена чуть больше недели назад. На документах стоит ваша подпись. Поздравляю.

– Спасибо, – Кирилл усмехнулся. – По крайней мере, я живу в собственном доме. Это утешает.

– Вкус на недвижимость у вас хороший. Но пока тут не очень уютно. Пойдемте ко мне? Я накормлю вас, – Ольга посмотрела вопросительно.

– А я не поставлю вас в неловкую ситуацию? Вы замужем, ваш супруг не будет ревновать?

– Мой супруг уже трое суток не появляется дома, заработался. А повода для ревности мы ему не дадим. Не так ли?

У нее были пухлые губы красивого розового оттенка – такой естественный цвет не придаст ни одна помада. Черный свитер соблазнительно обтягивал большую грудь. Волосы были распущены. Ольга заправила прядку за ухо и повторила:

– Не так ли?

Кирилл кивнул. Какие бы дамы ни привлекали его прежде, сейчас ему определенно нравилась Ольга. Возможно, потому, что была первой женщиной, увиденной после странного пробуждения. Причины возникшей симпатии не волновали мужчину. Он жадно собирал любые эмоции, чтобы заполнить гнетущую пустоту внутри. Ему страстно хотелось верить, что его прежняя жизнь была особенной, яркой, бурлящей событиями. Но интуиция молчала, не давая ни малейшего намека. Прошлое не скрывалось, подобно пугливому зверю. Прошлое просто исчезло.

Кирилл не знал, как реагировать. Он испытывал дискомфорт по поводу этой ситуации, но доминирующих чувств не замечал. Неужели без прошлого человек теряет и то, что некогда составляло его личность? Кто знает, может, до амнезии он был склонен к депрессиям? Или, наоборот, отличался неубиваемым оптимизмом? Был скромным или наглым? Трусливым или смелым? Общительным или замкнутым? Ставил амбициозные цели или довольствовался малым? Кирилл старался прислушаться к себе, уловить внутренние ощущения. Но то ли он сделался безнадежно глух, то ли там, в сердце, царила мертвая тишина.

Кирилл не стал скрывать от Ольги загадочное послание, обнаруженное вместе с другими документами. Она долго изучала записку и явно собиралась сказать что-то, но передумала. Пожала плечами.

– Наверное, нужно обратиться в полицию, – задумчиво произнес он.

– Не спешите. А вдруг вас подозревают в каком-нибудь преступлении? Вы не виновны, но не сможете ничего сказать в свою защиту.

– А если я виновен?

– Тогда тем более стоит повременить. Не думаю, что в тюрьме у вас будет много возможностей восстановить память и, следовательно, искренне раскаяться.

Ольга говорила логично, но Кирилл все равно сомневался. Ведь в полиции могут хоть как-то прояснить его прошлое. Ольга коснулась его руки:

– Послушайте. Давайте поступим вот как. В течение недели мы постараемся поработать над вашей памятью, и, если не будет никаких перемен, тогда пойдете в полицию.

Резон в ее словах имелся. Кирилл согласился. Единственное, что его смущало, – проникновенная заботливость новой знакомой. Не то чтобы ему это не нравилось. Просто присутствовала в этом какая-то иррациональность, что ли. С какой стати чужому человеку проявлять столь трепетное участие? «Однозначно, недоверие – одно из моих характерных свойств», – мысленно отметил Кирилл. Украдкой взглянул на Велецкую. Та разжигала камин и не замечала обращенный на нее взор.

С момента предыдущей встречи в ней произошла какая-то перемена. То ли во внешности, то ли в настроении, то ли в поведении. Было сложно сказать точно. Кирилл не исключал, что изменилось его восприятие. В сущности, он только начинал осваивать такое понятие, как второе впечатление.

– Ты любишь огонь? – Она протянула ладони к камину, как если бы сильно замерзла и хотела согреться. Переход на «ты» произошел так естественно, что никто из них не обратил внимания.

– Вопрос на засыпку, – Кирилл посмотрел на трепещущее пламя. – Красиво горит.

Ольга повернулась к нему:

– Давай попробуем выяснить, что ты умеешь. Начнем с элементарного. Узнаем, водишь ли ты автомобиль.

На улице было безветренно и морозно. Ольга открыла гараж и махнула рукой, приглашая его в машину. Кирилл занял сиденье водителя, а его спутница устроилась рядом.

– Ну пробуй.

Он вставил ключ в замок зажигания, завел двигатель и плавно тронулся с места. Уверенно остановился в нескольких сантиметрах от ворот. Включил заднюю скорость и въехал обратно в гараж.

– В таком случае прокатимся по окрестностям, – Ольга нажала на пульт, открывая центральные ворота.

Это было приятно – вести автомобиль. За всю поездку у Кирилла не возникло ни единого вопроса, ни единого сомнения в правильности своих действий. Машинально переключал скорость, в нужный момент включал поворотники. Очевидно, он делал это тысячи раз. За рулем ему было комфортно. Несколько раз он объехал вокруг коттеджного поселка, – тот оказался довольно большим – и вернулся обратно. Он бы с удовольствием вырулил на шоссе и прокатился в город, но не хотел обременять Ольгу своим неуместным задором. С сожалением припарковал автомобиль и вышел во двор.

Ольга замешкалась в гараже. Кирилл задрал голову вверх – пронзительно-голубое небо мерцало и слепило глаза. Наверняка он видел такое небо и раньше. Но что чувствовал при этом? Кто находился рядом? Поморгал, смахивая непрошеные слезы. Его не покидало необычное ощущение. Он прекрасно понимал, что хорошо, а что плохо. Но своего истинного, настоящего личного отношения к тому или иному событию не имел. То есть, конечно, имел, но не помнил. Было бы легче, если бы он забыл и сам факт утраты памяти. Тогда бы впитывал новое с упоением ребенка, не мучаясь вопросом «а что было раньше?».

Перед глазами возникло красивое лицо Ольги. Она что-то говорила, изо рта шел пар. Белое облачко рождалось, медленно поднималось вверх чуть выше макушки и растворялось в прозрачном воздухе. Велецкая повысила голос:

– Ты меня слышишь? Ты нормально себя чувствуешь? У тебя отсутствующий вид.

Кирилл кивнул:

– Мне хорошо. Просто я наблюдал за паром.

– За паром? – Ольга засомневалась в адекватном состоянии соседа. Наверное, он переволновался.

– Мне кажется, я хочу покурить. У тебя нет сигарет?

– Можно поискать. Я сейчас, – Ольга поспешила в дом и вскоре вернулась с пачкой сигарет и зажигалкой. – Такие подойдут? Нашла у мужа.

– Спасибо.

Он достал сигарету, прикурил и медленно затянулся. Легкие наполнил знакомый приятный дым.

– А я надеялся, что прежде вел здоровый образ жизни, – Кирилл сделал последнюю затяжку и огляделся в поисках урны.

– Бросай в снег, – милостиво разрешила Ольга.

– Зачем сорить?

– Пусть дворник выполняет свою работу, – она забрала у него окурок и выкинула в сугроб. – Пошли в дом.

Кирилл минуту постоял, пытаясь удержать нахлынувшее чувство дежавю, но оно исчезло так же внезапно, как появилось. Он вздохнул и поплелся следом за поднимавшейся на крыльцо женщиной.

Тогда

Галя погладила фарфоровую кошечку. После того, как Глеб провозился над ней все выходные, склеивая самые мелкие осколки, она приобрела хипповатый мозаичный вид. При изрядной доле оптимизма можно даже сказать, что сувенир заиграл по-новому. В любом случае, любимая кошечка снова радовала хозяйку. А некоторые нюансы стоило опустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.